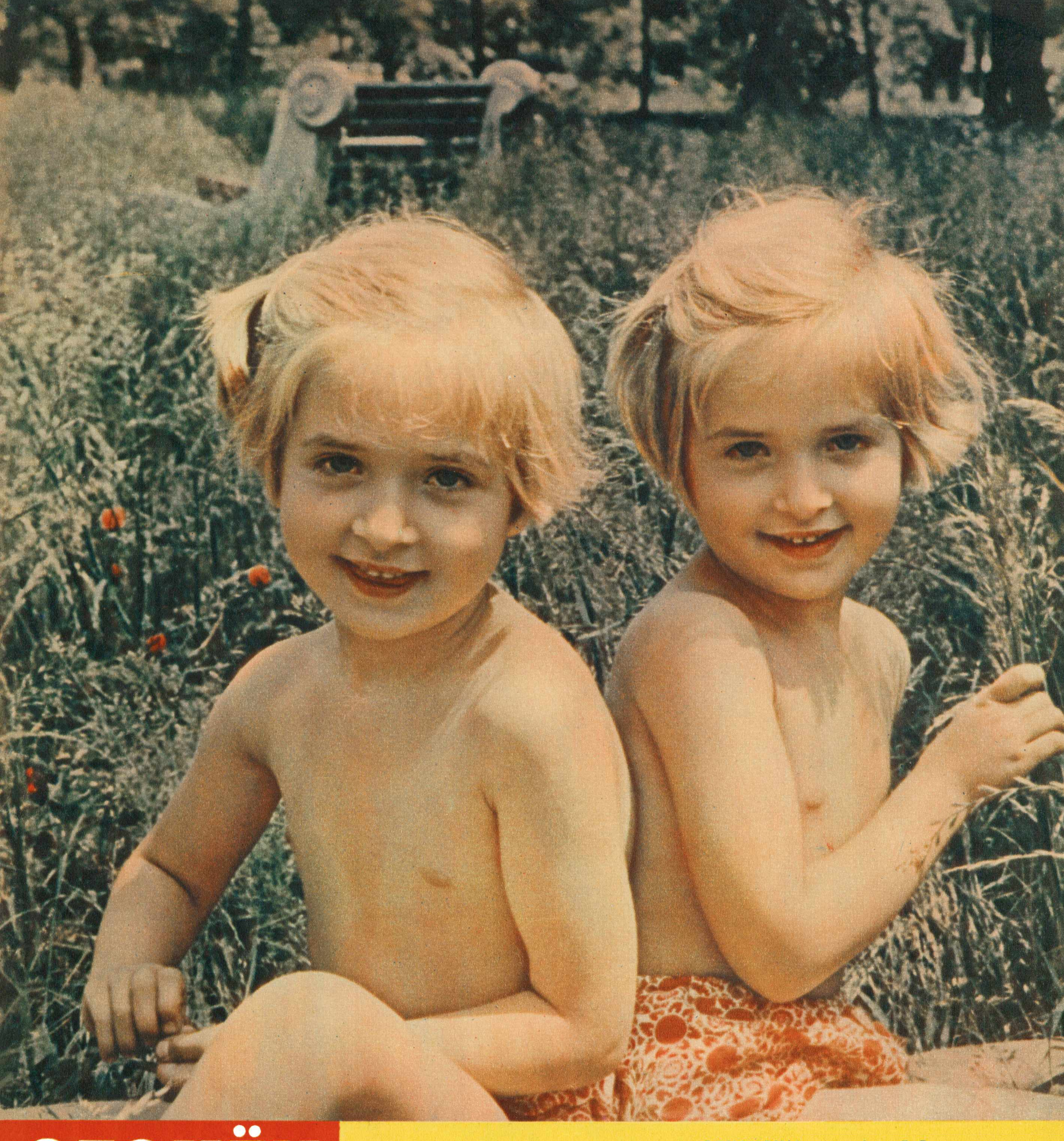

БЛИЗНЕЦЫ. Фото Л. Бородулина.

ОГОНЁК

№ 30 ИЮЛЬ 1960

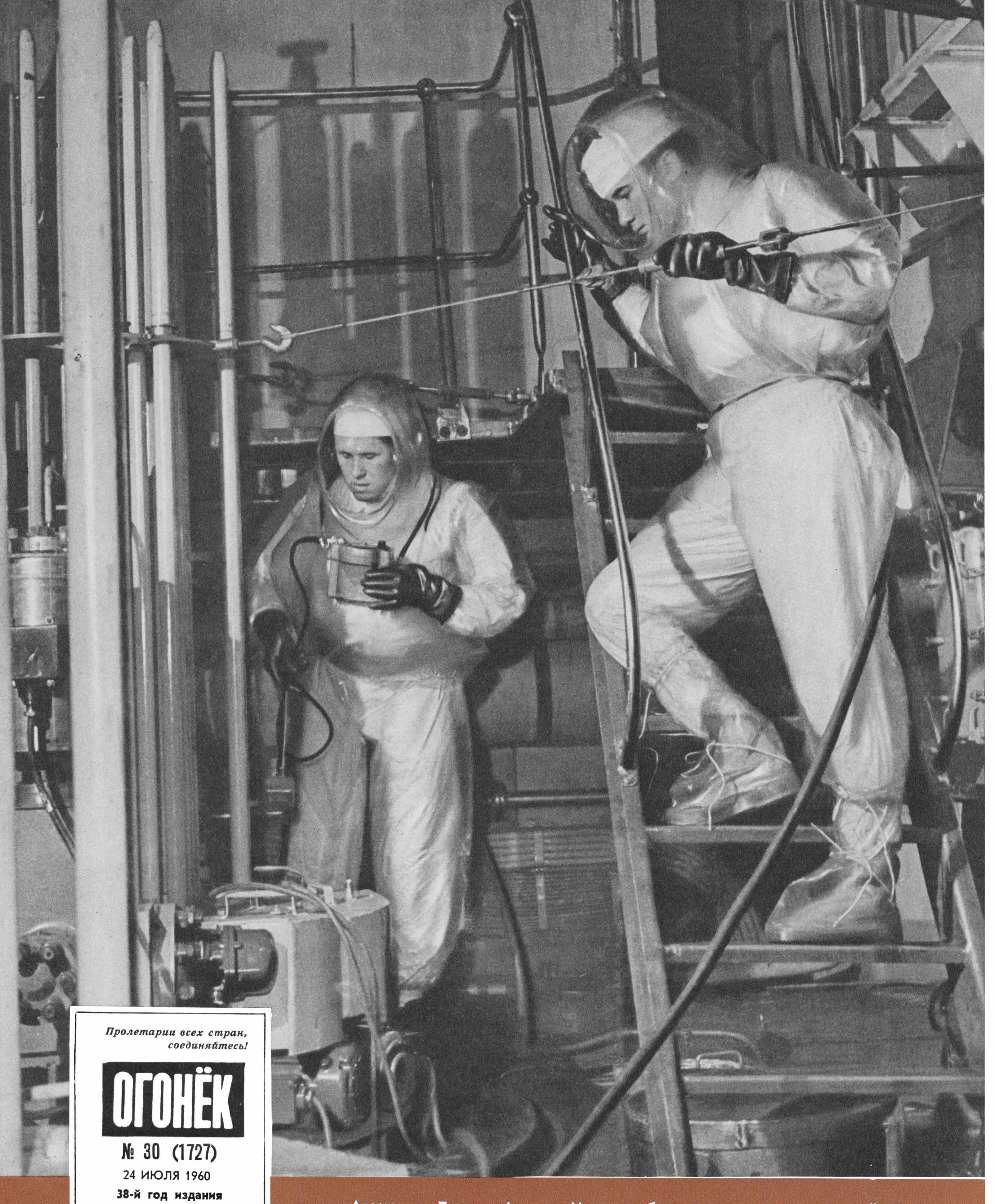
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Всеволод Кочетов завершает большой разговор о письме Жени N.

КАК ЭТО БЫЛО НА КУБЕ — окончание записок Г. Боровика.

ТЕАТРЫ, ГДЕ ВАШИ СПУТНИКИ?

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 30 (1727)

24 ИЮЛЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Атомоход «Ленин» в Арктике. Много необычного, кажущегося на первый взгляд фантастичным, можно наблюдать на борту атомохода... Точно космонавты, выглядят в своих защитных костюмах дозиметристы Ю. Грунчин и В. Серов. Они проверяют, есть ли радиация в одном из служебных помещений ледокола «Ленин». (См. в номере фотоочерк «Можно и напролом к полюсу»).

Фото Е. Халдея.

У Б. Е. Патона (справа) и директора московского завода «Динамо» А. Л. Козлова нашлось немало общих интересов.

Фото Я. Рюмкина.

16 июля закончил работу пленум Центрального Комитета КПСС. Наш корреспондент попросил участников пленума поделиться своими впечатлениями.

Первая встреча произошла в одном из номеров гостиницы «Москва».

То и дело звонит телефон. Невысокий пожилой человек со звездочкой Героя Социалистического Труда берет трубку, и каждый разговор неизменно начинается словом «спасибо». Он отвечает на поздравления. 15 июля, в день работы пленума, ему исполнилось 60 лет. Вот что рассказал нам

В. Я. КАРАСЕВ,

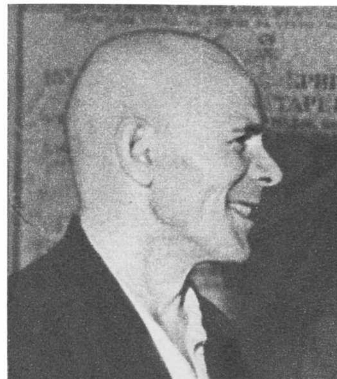
токарь-наладчик Кировского завода.

— Громадное, незабываемое событие! Пленум подвел радостные итоги: семилетка выполняется успешно. XXI съезд нашей партии принял историческую программу создания материально-технической базы коммунизма. Прошло полтора года. Программа воплощается в замечательные трудовые дела нашего народа.

Заместитель Председателя Совета Министров Украины в своем докладе сказал, что по производству некоторых важнейших видов промышленной продукции на душу населения республика уже обогнала Соединенные Штаты Америки.

Есть пословица: «Хорошо смеется тот, кто смеется последний». Когда-то в Америке кое-кто посмеивался над нашими планами. Теперь смеемся мы, но не над Америкой, не над трудовым народом этой богатой страны, а над ее заправилами и незадачливыми предсказателями краха большевистской России.

Когда в нашей стране рапортуют об успехах и достижениях, обычно никогда не говорят, что такой-то завод или колхоз выполнил план, а обязательно: коллектив завода или коллектив колхоза. Это не лишнее слово — «коллектив». В нем выражение нашей силы.

В. Я. Карасев.

☆ ☆ ☆

Вторая беседа состоялась на Выставке достижений народного хозяйства, в павильоне машиностроения, где развернута выставка по сварке. Интервью давал человек, чей портрет висел тут же рядом, на одном из стендов,

Б. Е. ПАТОН,

директор Института электросварки имени Е. О. Патона Академии наук Украинской ССР.

— Пленум показал, какие громадные сдвиги произошли за последнее время в народном хозяйстве нашей страны.

Особенно мне понравились выступления сибиряков. Сибирь — неоглядный богатейший край, край громадных перспектив и возможностей, край большого будущего.

Будущее... Да, прошедший пленум подвел радостные итоги и в то же время мобилизовал наш народ на новые большие дела. Ускорение темпов технического прогресса — один из самых главных итогов нашей работы. Но это не только итог, это залог будущих успехов в деле создания материально-технической базы коммунизма.

Все сотрудники нашего института очень рады, что пленум уделил такое большое внимание вопросам применения сварочной техники — этого мощного двигателя технического прогресса.

В нашей стране уже достигнуты значительные успехи в области развития сварочного производства. Свидетельство тому — вот эта выставка, где мы сейчас находимся. Все, что здесь представлено,— плод дружных совместных усилий ученых, инженеров и рабочих. Производство сварных конструкций в прошлом году увеличилось по сравнению с 1958 годом в 1,3 раза. Теперь же, когда над этой отраслью взял шефство комсомол, мы, несомненно, добьемся еще больших успехов.

После посещения нашего института Никитой Сергеевичем Хрущевым мы расширили круг своей деятельности, провели научно-технические конференции на Украине, в Сибири, Прибалтике, на Урале. Это были очень полезные совещания. Теперь пленум ЦК КПСС признал необходимым расширить права нашего института в деле координации работы предприятий, научно-исследовательских и конструкторских учреждений. Мы будем контролировать проведение всех мероприятий в этой области техники, не ослабляя исследовательских работ.

Говорить о впечатлении, которое произвел на меня пленум, трудно. Это — очень большое событие. Каждый, кто присутствовал в Кремле, увезет с собой чувство гордости за наш народ и страстное желание работать еще лучше.

ДОБРАЯ ТРАДИЦИЯ

Традиционными стали встречи руководителей партии и правительства с деятелями советской культуры. Недавно такая дружеская, сердечная встреча состоялась на загородной даче под Москвой. Ученые, писатели, художники, композиторы — деятели культуры, представители всех братских республик, празднично и весело провели там воскресный день.

На обеде, устроенном Президиумом Центрального Комитета КПСС и Советским правительством, с приветственной речью обратился к собравшимся член Президиума Центрального Комитета КПСС секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов.

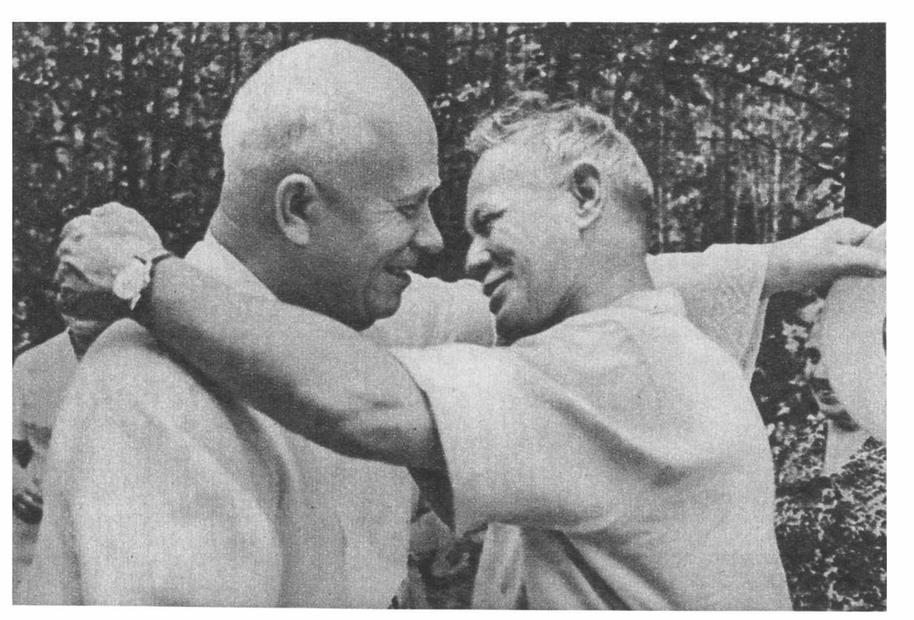
С огромным вниманием все участники встречи выслушали яркую, душевную речь Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева.

Фото А. Новикова, Я. Рюмкина.

Высокое исполнительское мастерство Святослава Рихтера вызвало всеобщее одобрение.

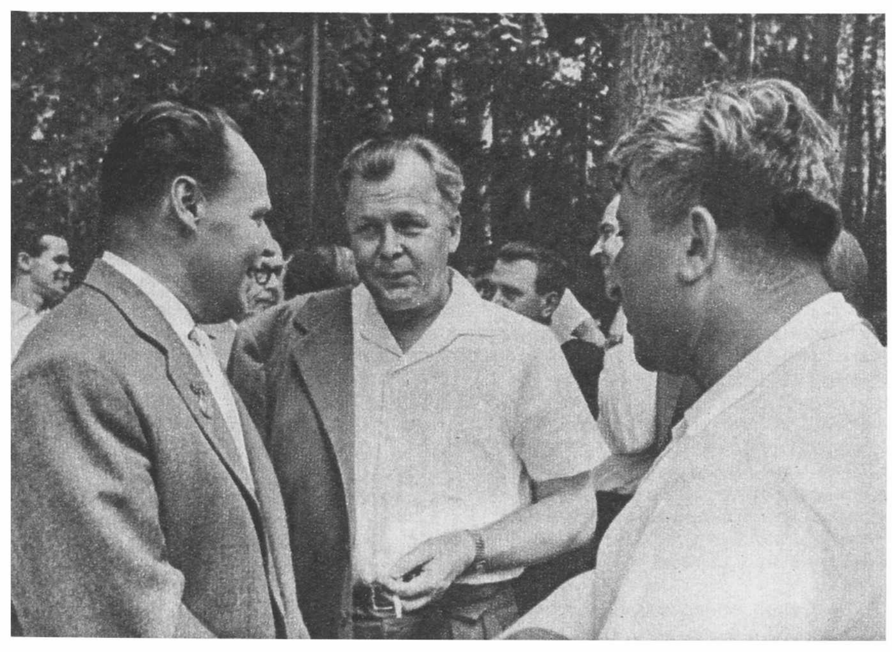

Никита Сергеевич тепло поздравил М. А. Шолохова с вручением ему медали и диплома лауреата Ленинской премии.

Оживленными были разговоры...

В парке во время встречи: главный редактор газеты «Правда» П. А. Сатюков и поэты А. Т. Твардовский и Расул Гамзатов.

Н. С. Хрущев, К. Е. Ворошилов и Д. С. Полянский беседуют с писателем Л. С. Соболевым.

Ты к Брынцевой? С ума сошла! О чем ты будешь писать? Жизнь у нее, конечно, трудная. Одинокая женщина, куча детей. Но за что она получила Героя, дважды Героя? Тяжелый физический труд! Всю жизнь «цапала»! Всю жизнь с лискѐром! И сейчас об этом писать, когда мы Луну фотографируем, запускаем ракеты! Немагистральная тема, вчерашний день! И потом она не терпит нашего брата, надоели ей, что ли, зазналась...

Лил дождь. Приятель, кричавший мне из окна машины, помахал на прощание рукой и укатил в Ялту, а я к Феодосии.

Так непрошенно, в дождь и туман я и свалилась к Брынцевой. Буквально свалилась: дом ее стоит под дорогой, под горой. Новый, чистенький, и молодые деревца белели в сумерках аккуратно натянутыми чулками.

Она вышла из кухни, где рядом в сарае были втиснуты «Победа» и голубой мотоцикл. Маленькая, худая, в калошах на босу ногу, в платке, обрамлявшем сухое, в глубоких морщинах лицо. Она заслонилась тяжелой рукой от дождя, как от солнца, и сурово посмотрела на меня. Я представилась, сказав, что знаю, она не любит нашего брата, то бишь нашу сестру, но что поделаешь — прибыла! Гостиница заперта, дежурная ушла в кино...

— ...А на улице дождь,— сказала я, разводя руками и понимая всю нелепость своего заявления да и своего вида в намокшем, обвисшем плаще, в босоножках, не вполне приспособленных для подобной погоды.

Но уже по первому взгляду было ясно: у этой женщины интервью не возьмешь. Единственный выход — поселиться у нее. Она, казалось, разгадала мой маневр и, усмехнувшись плотно сжатыми губами, промолвила:

— Проходите в хату. Я дам корове бураков и приду...

На терраске у стены выстроились в ряд мужские башмаки, все одного размера, все заляпанные грязью. Я сняла босоножки и прошла по чистому половику в горницу. За прикрытой дверью орала пластинка и кто-то лихо отплясывал. Через несколько минут появилась Мария Александровна, босая: калоши она, видно, тоже поставила в ряд у стены.

— Простите,— сказала она,— не прибрано у меня. Я только с сессии вернулась. Белье постирала, а высушить не успела: дождь! Да это хорошо для винограда.

— Ты что это здесь выкомариваешь? — сердито крикнула она, отворяя дверь в другую комнату.

И парень, отбивавший чечетку перед трюмо, застыл на месте.

— Завтра заставлю пол мыть, натопали!— Она захлопнула дверь.

— Сладу с ними нет — мужики! Говорила, без меня в хате печь не топить. Топили, закоптили стены, белить придется... Ну, вы отдыхайте! А мне надо вареники лепить, утром кормить нечем...

Я вызвалась помочь. На кухне было уютно, топилась плита, и дождь и сырость остались за порогом. На кровати, уткнувшись в подушку, растянулся парень в рабочих брюках, в тельняшке. На столе, как булыжники, лежали куски теста. Мария Александровна взяла в руки один из них и, похлопав ладонями, стала молча раскатывать на клеенке, а я приглядывалась к ней, не зная, с чего начать разговор. Скалка была какой-то странной формы — такая тонкая посредине, что казалось, сейчас переломится. И я начала со скалки...

— Что ж удивительного! — ответила Мария Александровна на мой вопрос.— Эта каталка у меня с тех пор, как я замуж вышла. Вот и стерлась. Не только память стирается, и дерево стирается. А тут приезжают, спрашивают, расскажите, мол, о чем вы мечтали, когда девушкой были, и песни какие любили... Если бы знала, что потом понадобится, может, и запомнила бы, да только ни к чему мне это было...

И она глянула на меня так, словно хотела предупредить: ты, милая моя, с вопросами ко мне не вздумай соваться!

— Мам...— На пороге, заслоняя ночь и дождь, мялся парень лет двадцати пяти, в плаще, в кавалерийской фуражке.

— Ну, чего тебе? — повернулась к нему Мария Александровна.— Чего ты моргаешь? Трешку, что ли, на кино? Так бы и сказал. Возьми под салфеткой на комоде. Только смотри поздно не возвращайся,— добавила она строго, но, должно быть, так, по привычке.

— Это Сергей, шофером работает. В армии у вас под Москвой служил. Этот тоже под Москвой служил, Лешка.— И, кивнув на кровать, она стала вдруг выговаривать сердито, должно быть, продолжая прерванный разговор.— Когда в армии был, так, небось, писал: «Я теперь понял, мама, как вам трудно было́, как вы с нами намучились. Вот я приеду, я вам помогать буду...» А сам моду какую взял — выпивши домой являться! Пойду к директору и прямо скажу: не пускайте его на винзавод. Пусть где хочет работает, а на винзавод ни ногой!.. А ну иди дров принеси, печь гаснет!

Мне вначале казалось, что парень спит и весь ее запал пропадает даром. Но при последнем окрике он покорно поднялся и, не глядя на нас, вышел во двор под дождь.

А Мария Александровна, подмигнув мне, уже спокойно сказала:

— Да он тверезый пришел, а я вот учуяла — хлебнул малость. Много ли дурню надо! Выпьет на грош, а куражу на рупь! Приходится наперед мораль читать.

— И помогает?

— А вы как думаете? Вчера с утра всех пилила-пилила, пришли с работы, смотрю, за огород взялись.

Дрова принес другой парень. Но я не сразу это поняла: на нем были такие же рабочие брюки, такая же тельняшка, как и на Алексее.

— Володь, бери шумовку, вынимай вареники, готовы! Это самый меньшой мой, сварщик, тоже у нас в совхозе работает. Кушайте, пока горячие,— предложила мне Мария Александровна.

Володя ловко орудовал шумовкой, а на кухню вышел еще один парень, и тоже в тельняшке. Я испугалась, что всех их перепутаю! Все они были под один рост, коренастые, похожие, и все в тельняшках.

— Кто-нибудь из сыновей у вас на флоте служил? — спросила я.

— Нет,— сказала Мария Александровна.— Это я им тельняшки из Москвы привезла—не марко и тепло. Ктой-то это? Толь али Лешка? — сказала она, щурясь и со спины не распознав сына.

— Я, Толя,— ответил бас. Он пытался влезть в башмаки, стоявшие в углу.

— Ты чего Вовкины башмаки натягиваешь? Не трожь! Он аккуратнее тебя носит. Твои на терраске стоят. И все это я должна помнить!

— Сколько у вас сыновей?

— Шестеро.

— Как же вы с ними справлялись, когда они маленькие были? Ведь они-то росли в самые трудные годы.

— А так и справлялась! Запру в хате, а сама на цельный день на виноградник уйду. Сердце разрывается, а что сделаешь! Лешка за хозяйку был. Истолчет кукурузу камнем и заварит кипятком... Он и корову доил. И теперь доит, у меня пальцы болят. А то с собой на виноградник заберешь. Да они что — разбегутся, ищи их. В лес утекут. Аукаешь, аукаешь, аж охрипнешь, а они спрячутся и молчат. Потом, когда выросли, сознались: им и жалко меня было̀, понимали — помочь надо, да и погулять охота, побегать. А прибегут, так и побила бы их, да рука не поднимается. Я из-за них раз и навсегда от себя отрешилась.

Она села на кровать, закусив конец косынки, и по-бабьи поджала руки под грудью. И мне подумалось: вот сейчас и начнется рассказ о жизни, такой трудной и такой похожей на многие другие жизни и так по-своему пережитой... Но она уже вскочила и, схватив веник, подметала пол.

— Это вам все для эпизодов, что ли, нужно? Завтра попросите библиотекаршу, она даст брошюры. Я бы и сама дала, да ни одной не осталось. Там все про меня прописано. И годы указаны. Когда какой урожай собрала, когда сельскохозяйственная выставка «Победу» подарила. А то я старая стала, спутать могу... Ну, да спать уже пора,— громко зевнула она.— Вы проходите в хату, а я только в коровник загляну. Корова у меня такая неряха попалась, ужас! Так и норовит выменем улечься куда не след.

ЛЮДИ ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

ВЕРТОЛЕТ И ЦАПКА

Мария БЕЛКИНА

Мария Александровна Брынцева.
Фото Галины Санько.

А наутро сказала:

— Хотите обижайтесь, хотите нет, это уж как знаете! Ну, да только у меня времени нет разговоры вести. У меня виноград! Виноград — это такая культура: если в срок, ко времени все не сделаешь, не рóдит! А я очень уж самолюбивая, не могу, чтобы кто больше меня урожай собрал!

И когда мы поднялись на гору, на шоссе, добавила:

— В этом месяце уже третий корреспондент приезжает, а мне и рассказывать нечего. Жила, и все... А назад глянешь—год на год находит, все в одно сливается... Разве когда что к слову вспомнишь...

Нас нагнали женщины с цапками на плечах.

— Бабоньки, сегодня цаповку пора кончать, и так задержались!

2

— Культурный вид у виноградников? Да?—спросила меня Мария Александровна, явно любуясь ровными рядами шпалер, разрезавших долину и справа и слева от шоссе.— Вот теперь проблема с проволокой! Весь Крым городится, шпалеры натягивает. Виноградников-то сколько насадили — едешь, едешь, и края им нет. Или с бочками опять. Разве бочек напасешься? У нас на винзаводе видали, бетонные чаны строят емкостью по 150 тонн каждый, а то соседи в прошлом году не предусмотрели — землю вином напоили...

Виноградники упирались в горы. Горы здесь не теснят долину, они только ее загораживают от ветров, а где надо, расступаются и показывают море — синее, в белых бурунах. Там ветер, шторм, а здесь тихо, здесь зреет виноград. Целая армия карликовых деревцев, черных уродцев! Выстроились, распятые на проволоке за тонкие плечи. Посреди виноградника домик для отдыха в три оконца. У шоссе столб, и на нем написано, что хозяйство это Брынцевой, ее бригады!

...Здесь, по этой дороге, она когда-то гоняла девчонкой помещичьих коров. А в сорок четвертом, когда выгнали немцев, когда надо было восстанавливать совхоз, вышла на эту землю с лискером в руках.

Лискер — тяжелая узкая лопата, с приступком для ноги, чтобы удобнее было нажимать, чтобы лопата быстрее и глубже врезалась в каменистую почву. Хорошо, когда нога тяжелая, сильная, мужская, а если легкая, если веса в ней нет и размер сапога тридцать пятый? А вскопать надо десять тысяч метров — целый гектар! На такую работу пойдешь только с горя, от нужды, когда не один...

— Загубишь ты себя, Марья, и детей по миру пустишь! — говорили Брынцевой соседки.

— Не загублю. Не имею права загубить, я теперь в доме и баба и мужик...

А мужика расстреляли немцы. Он защищал Феодосию. Потом скрывался в горах. Но как-то раз ночью пробрался домой, да предатель заметил...

...Гектар земли! Вскопать — это только начало работы. Потом еще землю на себе таскала, в мешке, на плечах, и мальчишки ей помогали. В войну запустили виноградники, ливни смыли плодоносный слой. Таскала из леса! А потом тонны удобрений надо было наносить! И опять на себе: в совхозе и лошадей не было. А потом цапала, тяпкой рыхлила землю по всему гектару, и так не один раз за лето! Работать начинала при луне. Дня не хватало. Соседки, бабы,— тоже гектарницы — ее чуть не избили.

— Одержимая, сладу с ней нет, не только себя загоняет, она и нас заставляет работать! Весь совхоз говорит: смотрите на Марьин гектар! Сидела бы лучше на своей усадьбе, возила бы овощи на базар в Феодосию, как другие. И детям сытнее, и спокойнее было бы! У нее даже дети работают!

На гектаре почти три с половиной тысячи кустов, и каждый нужно опрыскать то одним, то другим, то от одной болезни, то от другой уберечь. И все вручную. На спине приходилось носить бачки килограммов по пятнадцати от куста к кусту. То опылять надо. То подвязывать сухие дуги, то зеленые, то обрезать.

На гектаре три с половиной тысячи кустов, и у каждого свои повадки, каждый разный! Говорят, что у виноградаря должно быть чутье на лозу: он только взглянет на нее и сразу все как по писаному прочтет. Возьмет в руки тонкую длинную плеть и расскажет всю биографию куста: сколько ему лет, чем болел, силен он или немощен. Сколько можно оставить на лозе почек. Сколько может куст выкормить гроздей винограда.

У Марии Александровны не только чутье на лозу, но у нее талант и упорство новатора! Она работала лискером, цапкой, а сама все приглядывалась. Стоит куст, кормит она его, поит, а он все какой-то недоразвитый, одну лозу выбросил крепкую, а другая хилая. Неужели нельзя сделать так, чтобы все лозы были сильные?!

В совхозе жил тогда агроном Сергей Архипович Меркулов. Он и помогал ей во всем разобраться. Оказывается, был такой старый, забытый в те годы способ: прищемлять сильную лозу, и тогда соки будут питать слабую, а сильная так и остается сильной, и куст будет полноценный.

И еще никак Мария Александровна не могла примириться с тем, что у винограда «Шабаш», который она выращивала, очень коротко обрезали лозу, оставляя два глазка. А если оставить десять, двенадцать? Сколько будет тогда кистей винограда на одном кусте? Во сколько раз увеличится урожай? Оказалось, и это можно, только надо очень хорошо накормить, напоить кусты. И она взялась!

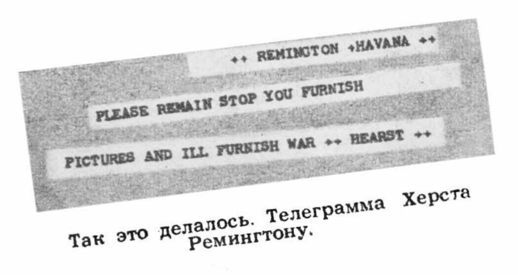
Не всякое новаторство у нас сразу пробивает себе дорогу, бывают и осложнения. Стали приезжать комиссии. Стали составлять акты, писать протоколы.

На участке Брынцевой непорядки! Все делается не по правилам, не как положено. Обвинили ее в карьеризме — хочет поставить рекорд и истощить за один год виноградник... Но она упорно продолжала свою работу. Ее поддерживали агроном и директор совхоза Михаил Андреевич Македонский.

...А когда созрел виноград, его надо убрать, десять тысяч килограммов! Его свезут на завод в поселок, и будет вино! И будут пить вино за здравие, за счастье людей. Золотую мадеру!

Прошло время, и научно-исследовательский институт «Магарач» доказал правоту метода Брынцевой. И теперь уже всюду следуют ее методу.

Окончание на стр. 25.

++ REMINGTON HAVANA ++
PLEASE REMAIN STOP YOU FURNISH
PICTURES AND ILL FURNISH WAR ++ HEARST ++

Так это делалось. Телеграмма Херста Ремингтону.

ДОКТРИНА МОНРО?

В. ВАЙНШТОК, Л. РУБИНШТЕЙН

Неполных полтораста лет назад президент США Джеймс Монро обратился к конгрессу с очень длинным посланием. Это заявление получило название «доктрины Монро», и суть ее стали коротко формулировать тремя словами: «Америка для американцев».

Но уже довольно скоро выяснилось, что «Америка для американцев» на языке государственных деятелей Вашингтона означает «Америка для Соединенных Штатов».

Один из проводников доктрины Монро, генерал Смэдли Батлер, откровенно признавался: «В 1903 году я приводил в порядок Гондурас для «Юнайтед Фрут»... В 1909—1912 годах я помогал очистить Никарагуа для международного банкирского дома «Братья Браун»... В 1914 году я помогал обезопасить Мексику, и особенно Тампико, для американских нефтяных компаний. Я помогал превратить Гаити и Кубу в подходящее место для накопления прибылей «Нэйшнел Сити Банком»... В 1916 году я принес свет Доминиканской республике в интересах американских сахарных трестов».

Но генерал Смэдли Батлер, став одним из американских «освободителей» в начале XX века, лишь перенял опыт генералов, которые к тому времени занимались «освобождением» и «помощью» уже добрых полстолетия.

В 1846 году США напали на Мексику и тремя колоннами, похожими на зубья вилки, прошли ее насквозь. По мирному договору Соединенные Штаты, которые считались «защитниками свободы западного полушария», отхватили у Мексики почти половину ее территории.

В 1868 году президент Джонсон объявил: «Политика, основанная на всестороннем учете наших национальных интересов, по-видимому, санкционирует приобретение нами и включение в наш федеральный союз возможно скорее некоторых соседних континентальных и островных территорий».

И барабан американской экспансии забил все громче и громче.

Началась эпоха воинствующих президентов Мак Кинли и Теодора Рузвельта, активно проводившего провозглашенную им политику «большой дубинки». Элиу Рут, государственный секретарь в период президентства Теодора Рузвельта, заявил: «Гаити, Мексика, Колумбия, Никарагуа и другие государства Центральной Америки могут процветать только под нашим протекторатом». Первой испытала на себе американский «протекторат» Куба.

В 1898 году Куба была последней американской колонией Испании. В Вашингтоне решили использовать упорную борьбу кубинских повстанцев против Испании как предлог для захвата острова.

Сотрудник газетного «короля Херста», немудреный фоторепортер Ремингтон был послан в столицу Кубы Гавану «снимать войну». Увидев, однако, что в Гаване войной и не пахнет, он в тот же день отправил своему боссу телеграмму: «Все спокойно точка беспорядков нет войны не будет точка хочу вернуться Ремингтон». Ответ гласил: «Прошу остаться точка вы обеспечивайте фото я обеспечиваю войну Херст».

Херст знал, что обещает: война была обеспечена. Вечером 15 февраля 1898 года американский крейсер «Мэйн», стоявший возле Гаваны, взлетел на воздух. «Кто уничтожил «Мэйн»?» — вопила херстовская печать.

На этот вопрос невозможно ответить и сегодня, но существует очень веское предположение, что «таинственный взрыв» был организован именно теми, кто «обеспечивал войну». 25 апреля война была объявлена.

С 1898 по 1917 год американцы высаживались на Кубе четыре раза. С 1906 по 1909 год оккупация была непрерывной. Эти годы на Кубе называют «ужасным временем»: это был период расстрелов, грабежа, голода и спекуляций. Кубу прозвали «сахарницей мира», а за спиной ее сахаропромышленников долгие годы стоял американский «Нэйшнел Сити Банк».

Но если кровь Кубы куплена этим банком, то кровь Никарагуа оплатила финансовая фирма «Братья Браун». И здесь в 1909 году консул США Моффэт сообщил в госдепартамент, что «революция произойдет завтра», и она действительно произошла в указанный им день и час и заключалась в том, что США под угрозой штыков посадили на президентское кресло «своего человека».

Следующей жертвой «помощи» оказалась негритянская республика Гаити. Здесь действовал все тот же «Нэйшнел Сити Банк». В 1915 году американская канонерка высадила десант в столице Гаити — Порт-о-Пренс, захватила в подвале государственного банка республики 500 тысяч долларов и привезла их в Нью-Йорк. В стране было введено военное положение, принят закон «об оскорблении войск и чиновников США».

В 1916 году такая энергичная «забота» была проявлена по отношению к Доминиканской республике. Американский капитан Нэпп объявил себя главой страны и назначил министрами своих офицеров. Американцы ушли, только подписав договор о кабальном займе и оставив у власти «династию» Трухильо, диктаторов, до сих пор послушно исполняющих все команды Вашингтона.

Было бы долго перечислять все республики Латинской Америки, которые получили от США подобную же «помощь». В тридцатилетнее президентство Порфирио Диаса в Мексике американские монополии захватили почти всю мексиканскую нефть.

Когда Диас пал, американские дельцы сделали все возможное, чтобы удержать нефть в своих руках. Прогрессивное правительство Мадеро было вскоре опрокинуто. Бои в городе Мехико шли 10 дней, артиллерия разрушила целые кварталы. В этой обстановке организатор переворота посол США Генри Вильсон сохранял необыкновенное спокойствие.

В апреле 1914 года американские войска высадились в Тампико (нефтяной район) и обстреляли Веракрус. Город оборонялся. 320 мексиканцев было убито и ранено. На вопрос иностранного корреспондента, происходит ли война, командир линейного крейсера «Миннесота» Хьюз ответил: «В Вашингтоне говорят, что нет. Но когда вооруженная сила противостоит другой вооруженной силе и имеется много убитых, то мы скорее придерживаемся мнения, что это война».

По той же несложной схеме действовали США и в Панаме. Когда Колумбия в 1903 году отказалась утвердить продажу американцам трассы будущего канала, произошел переворот (в присутствии американского флота) и был провозглашен «протекторат» США над вновь созданной Панамской республикой. Строительство канала заняло много лет. Панамский канал буквально построен «на костях». Некий предприниматель регулярно печатал такое объявление в местной газете: «Внимание! Имею честь известить обитателей города, господ управляющих госпиталями и все поселки по линии, что я могу снабжать их гробами всех размеров, от 6 долларов и выше»...

В 1914 году президент Вильсон нажал в Вашингтоне, у себя в кабинете, кнопку и, таким образом включив ток, произвел взрыв последней дамбы, разделяющей Атлантический и Тихий океаны. Их воды слились над могилами тысяч латиноамериканцев, индейцев и негров. Если в районе Карибского моря у носителей «свободы» была в ходу «дипломатия большой дубинки», то на континенте Латинской Америки работала «дипломатия доллара». Доллар неуклонно просачивался в экономику Колумбии, Венесуэлы, Эквадора, Перу, Боливии и других стран, расширяя те отрасли промышленности, которые «не мешают» США, и сокращая те, которые «мешают». В политике процветал насаждаемый американцами «каудилизм», то есть диктаторские, фашистские режимы, сопровождаемые непрерывными путчами и потрясениями. За 74 года в Боливии было 60 «революций», в Венесуэле за 70 лет — 50 «революций», Колумбия пережила за первые свои 70 лет 27 гражданских войн, Перу за 100 лет имело более 50 президентов. Из 72 правительств Мексики в прошлом веке только 12 пришло к власти без переворота и всего 5 ее президентов не были убиты или изгнаны из страны.

Какое же объединение американских стран породила доктрина Монро?

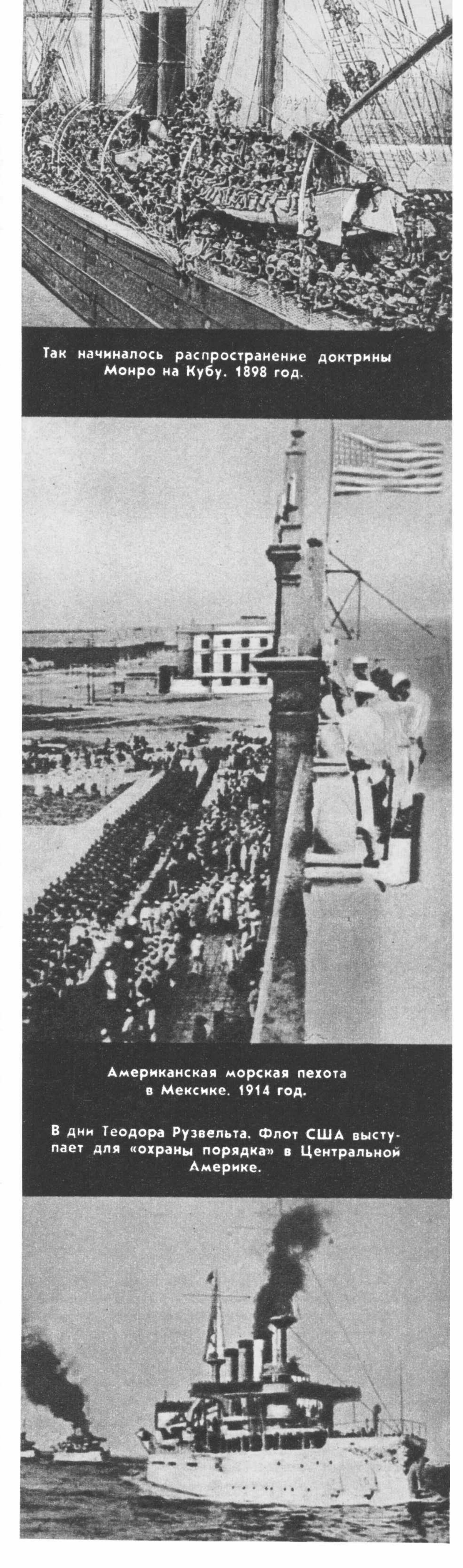
В 1889 году президент Кливленд созвал первую конференцию всех американских государств (кроме Канады). Но только в 1928 году был окончательно принят устав «Панамериканского Союза».

«Америка для бизнесменов» — вот девиз, который без всякого колебания можно написать над классическим фронтоном здания «Панамериканского Союза» в Вашингтоне.

На пресс-конференции в Кремле 12 июля Н. С. Хрущев сказал: «Теперь Соединенные Штаты Америки используют доктрину Монро как свое право управлять всеми латиноамериканскими странами, вмешиваться в их внутренние дела, опекать и, конечно, эксплуатировать их».

Из сотни договоров, подписанных внутри «Панамериканского Союза», только один был ратифицирован всеми его членами.

В интервью, данном бразильскому журналисту де Соуза, Н. С. Хрущев сказал: «Национально-освободительная борьба народов Азии и Африки, а также Латинской Америки — неодолимое движение современности. Силам колониализма и агрессии не остановить этого могучего, неодолимого потока».

Так начиналось распространение доктрины Монро на Кубу. 1898 год.

Американская морская пехота в Мексике. 1914 год.

В дни Теодора Рузвельта. Флот США выступает для «охраны порядка» в Центральной Америке.

«ГРОБЫ ВСЕХ РАЗМЕРОВ,

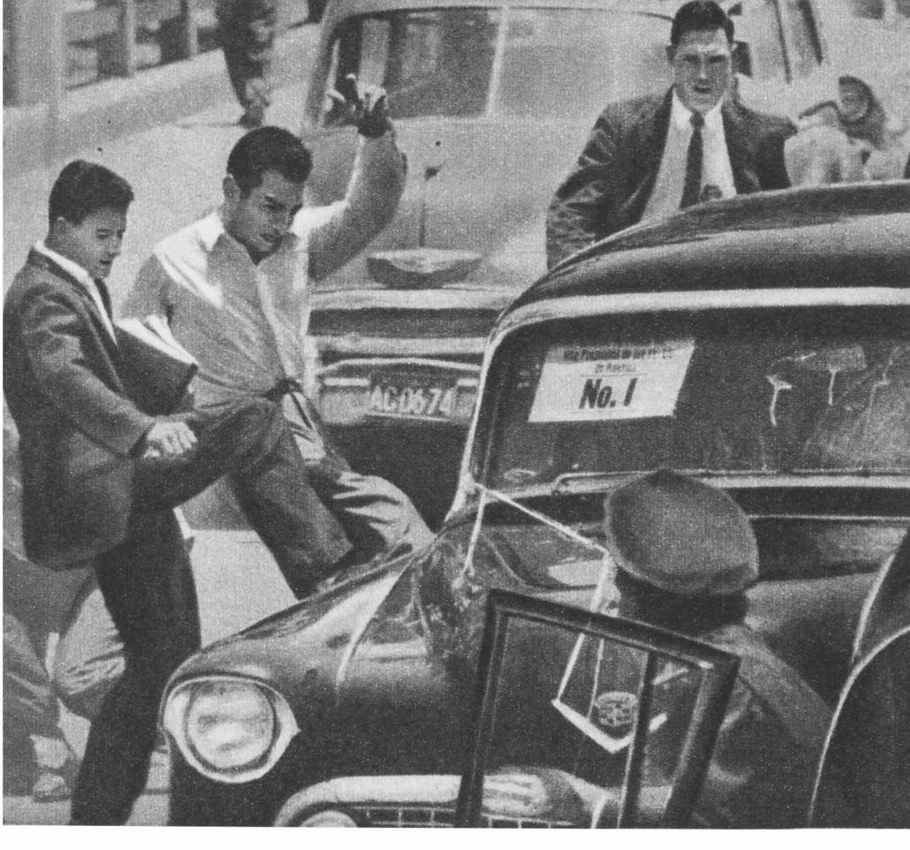
«Чилийский народ — с Гватемалой!» (Демонстрация в Сант-Яго). 1954 год. →

← Бурный протест молодежи в Гондурасе. «Не хотим войны!», «Долой интервенцию!». 1954 год.

Народ Кубы протестует против агрессивных действий США. На плакате, который несут демонстранты, слова: «Куба — да! Янки — нет!». (Фото внизу справа).

Памятная «встреча» вице-президента Никсона в Венесуэле. 1958 год.

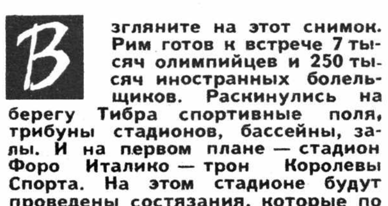

ОТ 6 ДОЛЛАРОВ И ВЫШЕ»...

ПЕРЕД ВАМИ КОРОЛЕВА СПОРТА!

Леонид **ХОМЕНКОВ**,
заслуженный тренер СССР

Взгляните на этот снимок. Рим готов к встрече 7 тысяч олимпийцев и 250 тысяч иностранных болельщиков. Раскинулись на берегу Тибра спортивные поля, трибуны стадионов, бассейны, залы. И на первом плане — стадион Форо Италико — трон Королевы Спорта. На этом стадионе будут проведены состязания, которые по давней традиции, уходящей корнями в глубину тысячелетий, считаются главным событием Олимпиады. Может быть, поэтому и окрестили легкую атлетику Королевой Спорта. Как сообщил на пресс-конференции председатель Итальянского олимпийского комитета Джулио Онести, на легкоатлетические состязания продано столько же билетов, сколько на все остальные состязания XVII Олимпийских игр. Так или иначе, борьба на беговых дорожках, в секторах для прыжков и метаний стадиона Форо Италико обещает быть особенно яркой и напряженной.

Только располагая исчерпывающей суммой фактов, можно пытаться проникнуть в область недалекого будущего, определить соотношение сил, наметить хотя бы вчерне возможный исход захватывающих поединков. Кроме того, проникнуть в будущее нам помогает прошлое. Накануне XVII Олимпийских игр полезно вспомнить XVI Олимпийские игры 1956 года. Тогда из двадцати четырех олимпийских видов легкой атлетики у мужчин новые рекорды были установлены в семнадцати видах, а из девяти женских видов в семи!

Прошло четыре года. Подросла молодежь. Повысился еще больше потолок спортивных достижений. Советские легкоатлеты установили в промежутке между двумя олимпиадами 36 мировых рекордов, приняли участие в более чем 50 международных состязаниях. Дважды встречались они и с командой США и дважды выходили победителями. Теперь в Риме должна состояться новая встреча двух сильнейших команд мира.

В Рим попасть значительно труднее, чем в Мельбурн. По новым условиям от каждой страны допускается не три спортсмена в каждом виде легкой атлетики, как раньше, а лишь один. Еще два атлета могут выйти на старт, если они до 1 августа выполнят нормативы, установленные Международной любительской федерацией легкой атлетики. Нормативы эти очень высокие. Например, у мужчин в беге на 100 метров надо показать 10,4 секунды, в прыжках в высоту — 205 сантиметров, в толкании ядра — 17 метров!..

Пробежать 100 метров за 10,4 секунды не так-то просто, но победить с таким результатом на олимпийской прямой невозможно. В это лето уже не раз был зафиксирован результат 10,2 секунды, который еще четыре года тому назад являлся мировым рекордом. Среди асов скорости, показавших недавно этот высокий результат, занимают места и советские спринтеры Л. Бартенев и Н. Политеко.

Спринт — основа всех успехов в легкой атлетике, и не случайно подготовка к Олимпийским играм обычно вызывает новый качественный скачок в беге на короткие дистанции. В 1956 году американские бегуны В. Уильямс и А. Мэрчисон установили мировой рекорд — 10,1 секунды. Нынешним летом немецкий спортсмен А. Хари скинул с этого рекорда еще одну десятую секунды. Результат этот сенсационен и не может не вызывать тревоги у руководителей легкоатлетического спорта в США. У монополистов спринта — американских бегунов — появились серьезные соперники. Американцам предстоит трудная борьба со спортсменами Ямайки, объединенной командой Германии, Италии и многих других стран.

Достойную конкуренцию окажет спринтерам США и советский барьерист Анатолий Михайлов. За его плечами победа над рекордсменом мира Мартином Лауэром, а главное то, что он в этом сезоне хорошо взял старт, пробежав 110 метров с барьерами за 13,6 секунды — результат экстракласса.

В Мельбурне сильнейшими бегуньями на короткие дистанции были австралийские спортсменки. Повторят ли они и в Риме свой триумфальный путь? Думается, что нет. У них много соперниц, в том числе и советские спортсменки: Мария Иткина, Римма Кошелева, Ирина Пресс и Галина Быстрова. А если говорить об эстафете 4 × 100 метров, то следует сказать, что наша команда завоевала титул чемпиона Европы и обыграла сборную команду США. Со-

На дистанции — сильнейшие советские стайеры Петр Болотников и Александр Артынюк. Они будут выступать в Риме на XVII Олимпийских играх.

Фото Э. ДАВТЯНА.

Ленинградская студентка Ирина Пресс одинаково искусна в беге, в прыжках и в метании. Недавно она установила мировой рекорд в пятиборье.

Галина Гринвальд, Нинель Елисеева, Лия Хитрина, Галина Быстрова — наши лучшие барьеристки.

ветские спортсменки Людмила Шевцова, установившая недавно мировой рекорд, Зинаида Кротова и Екатерина Парлюк — главные претендентки на золотую медаль в беге на 800 метров.

Интересные события развернулись на дистанции 3 000 метров с препятствиями. До последнего времени здесь «руку на пульте» держали наши бегуны — Семен Ржищин, Николай Соколов и Владимир Евдокимов. На роль лидера с полным основанием претендовал также и польский бегун Ежи Хромик, обладатель мирового рекорда, но кто мог предполагать, что мировой рекорд установит другой польский бегун — Здислав Кшишковяк, который «специализируется» в беге на длинные дистанции? Однако на соревнованиях в Туле, ведя борьбу с Соколовым и Евдокимовым, Кшишковяк закончил бег за 8 минут 31,4 секунды.

Большой спор предстоит в Риме вокруг «наследства» Владимира Куца. Двукратный олимпийский чемпион, как известно, больше выступать не будет, о чем он и заявил на страницах журнала «Огонек» № 25. Куц тщательно взвесил шансы главных претендентов на золотые медали, и мне нет нужды перечислять имена сильнейших стайеров мира. Нужно добавить лишь одно, что прогнозы, высказанные Куцем, оправдываются. Немецкий стайер Г. Градоцки, который, по мнению Куца, имеет наибольшие шансы в Риме, показал пока лучший результат в беге на 5 000 метров — 13 минут 49,2 секунды. Ну, а дальнейшие события, как говорится, не за горами, и скоро мы станем свидетелями захватывающей борьбы.

Следует сказать несколько слов о марафонском беге. Наша надежда Сергей Попов — чемпион Европы 1958 года и победитель Кошицкого чемпионата, в котором приняли участие все сильнейшие марафонцы,— по-прежнему находится в отличной спортивной форме и может претендовать в Риме на золотую медаль.

За последние годы заметно выросли достижения по прыжкам в высоту, и претендентов на золотую олимпийскую медаль стало больше, чем когда-либо. Многие знатоки отдают предпочтение 19-летнему негру из США Джону Томасу, который преодолел в этом году планку на высоте 2 метра 22,9 сантиметра. В хорошей спортивной форме находится и второй американский негр, олимпийский чемпион Чарльз Дюмас, преодолевший планку на высоте 214 сантиметров. Как тот, так и другой имеет, конечно, большие шансы на победу, но им придется отразить натиск очень серьезных соперников. Большие шансы на призовые места имеют советские прыгуны Виктор Большов — 215 сантиметров, Роберт Шавлакадзе — 211 сантиметров и юный спортсмен Валерий Брюмель — 208 сантиметров.

Среди женщин главная кандидатка на первое место — румынская спортсменка Иоланда Балаш. Ее результат — 186 сантиметров — говорит сам за себя. Таисия Ченчик имеет лучший результат — 178 сантиметров, а Галина Доля преодолела недавно планку на высоте 177 сантиметров.

Захватывающая борьба должна развернуться среди прыгунов в длину. Здесь, как известно, держится самый старый мировой рекорд. Еще в 1935 году его установил Джесси Оуэнс, совершив прыжок на 8 метров 13 сантиметров. В прошлом году лишь двум прыгунам удалось перешагнуть восьмиметровый рубеж — американскому индейцу Грегори Беллу (8 метров 9 сантиметров) и советскому спортсмену Игорю Тер-Ованесяну (8 метров 1 сантиметр). Результат Белла недавно повторил американец Р. Бостон. Можно легко представить себе, какой острый поединок разгорится между лучшими прыгунами в борьбе за первое место в Риме!

На Олимпийских играх в Мельбурне Валентина Шапрунова была шестой в прыжках в длину. Ее результат тогда был 5 метров 85 сантиметров. В этом сезоне Шапруновой удалось совершить прыжок еще на 46 сантиметров дальше. (На соревнованиях в Варшаве в прошлом году Шапрунова прыгнула в длину на 6 метров 37 сантиметров, но из-за небольшого попутного ветра мировой рекорд ей не был засчитан.)

Список лучших в тройном прыжке возглавляют три советских спортсмена: мировой рекордсмен Олег Федосеев (16 метров 70 сантиметров), Владимир Горяев, Витольд Креер — и польский спортсмен Юзеф Шмидт, который недавно совершил прыжок на 16 метров 69 сантиметров.

Рекорд Европы по прыжкам с шестом равен 4 метрам 64 сантиметрам. Его установил советский легкоатлет Владимир Булатов. Есть у нас и второй равноценный прыгун, Янис Красовскис, однако трудно предсказать призовые места в Риме, когда лучший результат американца Дога Брэгга равен 4 метрам 80 сантиметрам.

Среди метателей больше всего шансов на победу у Василия Руденкова. В 1959 году он установил в метании молота рекорд Европы и вышел победителем из поединка с рекордсменом мира Гарольдом Конолли. Увы, более сложное положение у нашего сильнейшего толкателя ядра Виктора Липсниса! Три лучших американских спортсмена: Вильям Нидер, Даллас Лонг и Перри О'Брайен — толкают ядро за 19 метров, а Липснис пока что достиг лишь 18 метров 49 сантиметров. Что же касается женщин, то здесь картина совершенно другая. Тамара Пресс с ее мировым рекордом в толкании ядра — 17 метров 25 сантиметров — пока что вне конкуренции. Правда, Валери Слоупер из Новой Зеландии и Иоганна Люттге (ГДР) — достойные соперницы, но ведь и у нас есть сильные резервы: вернулись в строй Галина Зыбина, Зинаида Дойникова, Тамара Тышкевич.

Женщинам предстоит уравновесить трудности, которые ждут наших мужчин в метании диска. Трудно им будет тягаться с такими корифеями, как мировой рекордсмен поляк Эдмунд Пионтковский (59 метров 91 сантиметр), венгр Иожеф Сечены (59 метров 3 сантиметра) и американец Альфред Ортур (58 метров 12 сантиметров). Зато советские дискоболки Нина Пономарева, Тамара Пресс, Евгения Кузнецова и Тамара Тягуши не имеют равных в мире.

За первое место в метании копья предстоит спор рекордсмена мира Вильяма Эллей (США) (86 метров 46 сантиметров) с поляком Янушем Сидло (85 метров 56 сантиметров). Последнему мы отдаем предпочтение. У Сидло большой опыт. Он дважды завоевал первые места на чемпионате Европы и в Мельбурне был вторым. Что касается советских копьеметательниц, то, как и на Олимпиаде 1956 года, они будут бороться за первое место. Не случайно советская спортсменка Эльвира Озолина недавно установила мировой рекорд (59 метров 55 сантиметров).

Большие надежды возлагаем мы на скороходов. За последние два года советские ходоки добились выдающихся результатов. Им принадлежат мировые рекорды по всем дистанциям. Лучшими спортсменами в этом виде легкой атлетики являются Анатолий Ведяков, Геннадий Солодов, Михаил Лавров, Владимир Голубничий и многие другие.

Нет никаких сомнений в том, что венцом легкоатлетических соревнований в Риме будет встреча десятиборцев. На XVI Олимпийских играх 1956 года призовые места определились так: Мильтон Кэмпбелл (США), Рафер Джонсон (США), Василий Кузнецов (СССР). Четвертым был также советский спортсмен Уно Палу.

Шли годы, и, как следовало ожидать, борьба за мировой рекорд в десятиборье развивалась между советскими и американскими спортсменами. Главную роль в этой острой борьбе играли Рафер Джонсон и Василий Кузнецов. Мне нет необходимости подробно останавливаться на этом большом спортивном споре. О нем подробно рассказал на страницах «Огонька» сам Василий Кузнецов (см. журнал «Огонек» № 28 за 1960 год).

В Риме главными соперниками Василия Кузнецова будут два десятиборца из команды США — Рафер Джонсон, недавно вернувший себе мировой рекорд, и Дэвид Эдстрем (8 176 очков), а также немец Мартин Лауэр (7 955 очков)...

В 9 часов утра 31 августа прозвучит первый выстрел стартера, и на олимпийском стадионе начнется борьба сильнейших легкоатлетов мира по всем видам обширной программы. И каков бы ни был исход этой борьбы, результат будет наверняка один: у Королевы Спорта появится еще большее число новых «верноподданных», тех, кто навсегда полюбит легкую атлетику во всем ее прекрасном многообразии.

Советская спортсменка Л. Шевцова в борьбе с кореянкой Син Ким Дан установила мировой рекорд в беге на 800 метров — 2 минуты 4,3 секунды.

Эти снимки не нуждаются в многословных комментариях: они достаточно красноречивы. Перед вами авторы пяти блестящих побед, достигнутых на крупнейших международных соревнованиях олимпийского сезона на призы имени братьев Знаменских. Спортсмены к Риму готовы!

ШАГИ ОЛИМПИЙСКИЕ

Высота 183 сантиметра (еще недавно мировой рекорд) взята с первой попытки. Прыгает румынская спортсменка И. Балаш, которая уже после выступления в Москве довела мировой рекорд до 186 сантиметров.

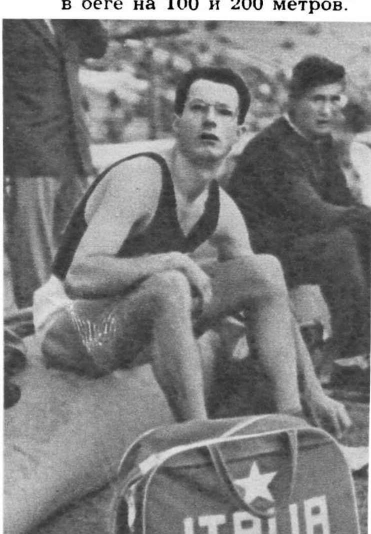

Перед вами мировая рекордсменка по прыжкам в длину польская спортсменка Э. Кшесиньская. Она показала выдающийся результат — 6 метров 32 сантиметра.

Алексей Десятчиков — победитель бега на 5 000 метров.

Замечательный итальянский спринтер Л. Берутти завоевал два приза в беге на 100 и 200 метров.

Путь атомному кораблю во льдах показывает воздушный разведчик. С борта самолета на палубу сбрасывается вымпел с картой ледовой обстановки. ←

В высоких широтах Арктики моряки атомохода чувствуют себя как дома. В часы досуга на просторном ледяном поле у борта корабля встречаются футболисты. →

МОЖНО И НАПРОЛОМ К ПОЛЮСУ

Фото М. РЕДЬКИНА (ТАСС) и Е. ХАЛДЕЯ.

Из первого плавания в полярных морях возвратился атомный ледокол «Ленин» — флагман нашего арктического флота.

Замечательный корабль, детище творческого гения советского народа, с честью выдержал суровое испытание.

Веками считалась всевластной стихия Арктики. Перед извечным холодом, сковывающим бескрайние моря севера, отступали и паровые машины, и дизельные двигатели, и электромоторы кораблей. Только безграничная энергия атома проложила кораблю путь в самых тяжелых многолетних льдах.

Инженер А. Стефанович в беседе с нашим корреспондентом рассказал:

— Отправляясь в плавание к высоким широтам, мы тщательно выяснили ледовую обстановку. Самолет-разведчик помогал нам выбирать самые трудные, наиболее сплоченные поля, где лед достигал толщины полутора метров.

С помощью киносъемки проводилось исследование процесса ломки льда. Два аппарата — один на льду, другой на борту,— синхронно связанные друг с другом, фиксировали, как движется корабль и как он ломает лед. Используя телевизионную технику, мы заглянули и под лед. Телевизионные установки, которыми располагает атомный ледокол, позволяли следить за тем, как располагается битый лед под корпусом судна.

Все проведенные исследования имеют большое значение для развития советского полярного мореплавания.

Это плавание показало, что атомоход «Ленин» прекрасно справляется со льдами любой мощности. В Ледовитом океане для него нет неодолимых преград. Если понадобится пойти «напролом к полюсу», о чем мечтал когда-то адмирал Макаров, атомный ледокол совершит и такое плавание!

←

Здесь рождается сила, сокрушающая ледяные преграды.

В машинном отделении, где расположена одна из турбин атомохода.

Вместе с капитаном атомохода П. А. Пономаревым в плавании участвуют заслуженные полярные судоводители Л. К. Шарбаронов и Ю. К. Хлебников.

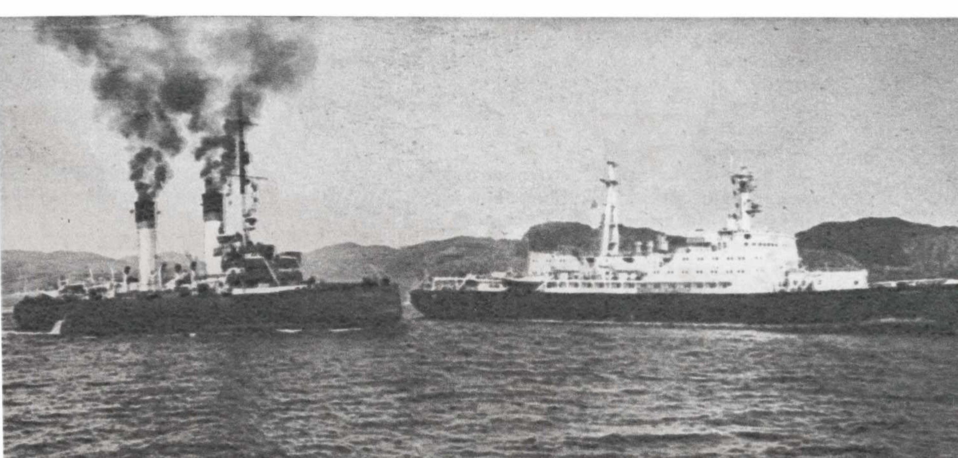
Рядом с атомоходом «Ленин» сфотографирован один из членов команды. Пунктиром показаны скрытые льдами и водой очертания подводной части корпуса.

Уверенно, властно движется рука вахтенного инженера на пульте управления. Рука хозяина!

Знаменательная встреча, не правда ли! Скромно выглядит рядом с атомным исполином его предок — дедушка русского ледокольного флота «Ермак». Как не вспомнить тут, что в свое время — 60 лет назад — «Ермак» совершал пробные походы в Арктику примерно там же, где теперь плавал «Ленин».

Золотая отм

Рассказ

Николай ВОРОНОВ

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

Рано утром, когда недвижно лежали в горных впадинах пропахшие хвоей паутинисто-голубоватые туманы, поселок облетело известие, что прибыл новый бухгалтер. Директор поставил его на квартиру к Абышкиным. Звать бухгалтера Анатолий Маркович, фамилия — Куричев. Приехал на такси. Человек он, должно быть, денежный, коли позволяет себе такую роскошь. Вещей, правда, мало: два чемодана, ружье, гитара. Еще с ним собака какой-то не нашей породы: шерсть волнами, белая, отдает атласом, кое-где рыжие подпалины, а уши черные и предлинные, по полу волокутся. Александра, жена директора мельницы, сказывала, что он рекомендовался ее мужу так:

— Вдовый я. Пять лет назад схоронил жену. Две замужние дочери живут в Уфе, незамужняя — в Ленинграде. Исколесил Урал и Сибирь. Что искал — скрою, чего не нашел — утаю. Работаю на совесть. Казенной копейкой ни под каким видом не попускался и не попущусь, ежели даже вы, товарищ директор, захотите нарушить финансовую дисциплину.

Едва солнце заиграло в росе, мукомол Садык Газитуллин, спешивший в сарай в розовых широких кальсонах, увидел человека, который стоял на отмели, намыливая губкой шею. По длинноухой собаке, шнырявшей мимо пижамы, махрового полотенца, алюминиевой мыльницы, Садык угадал в нем нового бухгалтера.

Возвращаясь из сарая, мукомол покосился в сторону реки. Куричев оделся и причесывал мерцающе-седые волосы. Поскольку бухгалтер должен был пройти рядом с домом, Садык вышел за ворота и присел на завалинку.

— Здравствуйте,— сказал Куричев, появляясь из-за угла.

— Утро добрый.

— Греетесь?

— Греюсь. Солнце хороший. Кто будешь?

— Твоим товарищем буду, ежели ты тутошний.

— Тутошний. Я крупчатник. Садык Мингазович Газитуллин.

— А кто я, тебе известно.

— Откуда знаешь — известно?

— Твоя жена к моим хозяевам заходила.

— Откуда знаешь — моя жена? Скажи, какая она?

— Платье свекольного цвета.

— Верно.

— Калоши новые, острые, малиновая подкладка.

— Верно.

— Моложе тебя лет на пятнадцать. Красивая!

— Очень верно!

«Все, все примечает!» — подумал восхищенный Садык.

Куричев поправил под локтем газетный сверток.

— Садык Мингазович, у тебя роскошные кальсоны! Кто сшил?

— Жена.

— Я бы хотел просить, чтобы она сшила еще одни. Точно такие же, широкие и розовые. Заплачу и за труд и за материю. Великолепно заживем! Утро, солнышко, приду на завалинку, будем сидеть у всей деревни на виду в роскошных кальсонах.

— Ладно. Скажу жене.

— Обязательно скажи. Уважишь как никто и никогда. Не понимаю, как мужчины могут чувствовать себя счастливыми, не гуляя по улице в таких вот царских кальсонах!

— Я не гулял. Сидел, да.

— Зря. Вместе будем гулять. Штанины просторные, надуются ветром. Народ к окнам, а мы гордо шествуем. Кавалеры!

Куричев весело удалился прочь. Газитуллин бросился к воротам. Розовая материя в сундуке. Режь, Сария! Шей, Сария, кальсоны бухгалтеру!

Во дворе он остановился. А не высмеивал ли его Куричев? У самого зеленая в желтую полоску пижама из шелка, а просит сшить простые кальсоны? Надо держать совет с женой. Нет, лучше не надо. Меньше уважать станет. Зазнается.

Было воскресенье. Газитуллин плел из тала короб и прикидывал, как отнестись к просьбе Куричева. Перед сном, сидя за самоваром с кружкой чая, забеленного сливками, он решил на всякий случай не выходить больше на улицу в исподнем и покамест не сообщать Сарии о сомнительном заказе.

Впоследствии Садык под строгим секретом передал жене разговор с Куричевым. И вскоре каждого гостя угощали в поселке не только клубничным вареньем, солеными рыжиками, кислым молоком с золотисто-коричневыми пенками, но и красочным рассказом про Садыка и розовые кальсоны.

Федор Федорович стоял на крыльце, размахивая утюгом. Утюг фыркал закрасневшими углями в зубчатые поддувала. Федор Федорович нервничал. Вот-вот явится к завтраку новый бухгалтер, а ему еще гладить гимнастерку. Да и вообще несолидно руководителю комбината, по сути дела, хозяину этого маленького поселка, маячить с утюгом на крыльце.

Едва под наслюненным пальцем начала потрескивать чугунная полированная подошва утюга, Федор Федорович стал по-обычному уравновешенным. Он с удовольствием отгладил гимнастерку, переоделся и, ожидая Куричева, смотрел в оконце сквозь бумажную сетку. Он был приятен самому себе в легких хромовых сапогах, синих галифе, шерстяной гимнастерке, туго округлившейся вокруг шеи благодаря холодному подворотничку из целлулоида.

Жена его Александра стригла в ароматные щи стрелки зеленого лука.

Когда гостя посадили за стол, Федор Федорович поднял бутылку.

— Пьете?

— Непоколебимый трезвенник. То есть никогда ни грамма спиртного,— сказал Куричев и подставил под горлышко бутылки свою рюмку.

Он быстро выхлебал щи и подвинул тарелку к кастрюле.

— Не упрашивайте, хозяюшка. Без добавки сыт.

Федор Федорович подмигнул Александре, указывая глазами на половник, но она недоумевала, подлить Куричеву щей или воздержаться.

Муж опять подмигнул, но уже строго и недовольно; она торопливо опрокинула в тарелку половник.

— Первое явно не удалось,— проворчал бухгалтер, снова принимаясь есть щи.

Молчание тяготило Федора Федоровича. Он удивлялся тому, что до сих пор между ним и Куричевым не получалось разговора. Наверно, Куричев хитер и осторожен. Неспроста навыворот говорит. Ну и пусть хитрит. Ну и пусть вводит в заблуждение простаков. Он, Федор Федорович Закомалдин, директор мельничного комбината, принимает всякого человека, даже с подвохом. Правда, при условии, если тот будет честным и трудолюбивым, как он, Закомалдин.

В поселке не только быстро привыкли к Куричеву, но и начали ему подражать. Перенимали манеру говорить, здороваться с детьми за руку, щелкать пальцами от досады. Кличкой его кудрявого пса Батыя называли щенков. Федор Федорович выразил почтение Куричеву тем, что заставил привинтить на дверь

бухгалтерии стеклянный квадрат: «Зам. директора по фин. части». Правда, в тот же день на общем собрании работников мельницы Куричев высмеял этот душевный порыв. Выступая, он несколько раз оборачивался к колченогому столу президиума и с умильной учтивостью провозглашал:

— Как было указано генеральным директором мелькомбината высокочтимым товарищем Закомалдиным...

Федор Федорович не обиделся и собственноручно снял после собрания табличку.

«Ничего не поделаешь. Дал промашку. И серьезную. Так реагируют на критику настоящие руководители».

По воскресеньям Куричев уезжал на продуктовой машине пионерского лагеря в город. Возвращался он перед закатом, спрыгивал с борта, пылил усталыми ногами к скамейке у дома, где квартировал. Детвора роилась вокруг.

— Геть, пескари чумазые! Конфет нет! Картинок нет! Сказок нет! — кричал он и закрывал соломенной шляпой то кулек с леденцами, то свернутые трубкой газеты, иллюстрированные журналы, детские книжки.

Позже скамью и подступы к ней занимали взрослые.

Куричев, сладко вдыхая горную свежесть, рассказывал о том, как звонил с телеграфа дочерям. Сперва он говорил с младшей, Людмилой. В Ленинграде она живет. Умница девка. Ассистенткой у доктора физико-математических наук Еннакиева. Космические лучи доктор и она фотографируют. Какую-то новую частицу открыли. Радости, радости у нее, словно на Луну слетала! Тут телефонистка перебила: «Заканчивайте». Он и закричал напоследок: «Дочка, а ты, кроме этих самых частиц, помнишь о чем-нибудь? О молодости, например?» «Помню,— смеется,— влюбилась. В морского капитана. В какого хотела: медноволосый, и шрам между бровей».

Потом Куричева соединили с Уфой. Долго не отвечал телефон средней дочери, Лизы. Она домохозяйка, замужем за машинистом электровоза. Здоровый такой мужчина! Кряж уральской породы! Доброты редкой. Нуждаешься в рубахе — последнюю снимет и отдаст.

Наконец Лиза взяла трубку. «Чего, Лизуня, долго не подходила к аппарату?» «Робею я по телефону-то... Как-то и непривычно, и не смею, и страшно». «Эх, чудачка ты, чудачка! Чать, трубка не кусается. Ну, ладно, привыкнешь. Как были без меня?» «По-всегдашнему». «Хвалю. А как насчет пополнения рабочего класса?» «Сын! Вчерась меня из роддома Филя привел». «Имя какое дали?» «Твое дали. Филя сказал: «Раз на деда похож, запишем Анатолием». «Спасибо, почтили! Филя-то где?» «В поездке». «Привет передай и скажи: уважаю его».

Старшей дочери, Анне, он не стал звонить. Гордая, спесивая дама. В исполкоме служит. Муж — архитектор. В гости, бывало, зайдешь... «Добро пожаловать, Анатолий Маркович». А сама недовольна. Пых-пых!.. Сядешь на диван. Она плюшевую скатерть клеенкой покроет и мраморную пепельницу по ней подкатит. Пых-пых!.. Куришь с зятем, а она на стол собирает. Пых-пых!.. Зять мигает: смотри-ка, мол, как Анна дуется.

Она заметит: «Чего размигались? Думаете, водку выставлю?» Зять: «Предполагаем». Он, Куричев, поддержит: «Нельзя не предполагать, зная твою щедрость». Она пых-пых и зацокотала на кухню каблучищами. Перворенькая родилась. Лелеял, баловал— оно взяло и обернулось изнанкой.

От внимания всех, кто слушал Куричева в эту сумеречную пору, не ускользало, что его спина сутулилась, в речи исчезал задор, что воспоминание о чем-нибудь отрадном не скрадывало печальную мягкость его взгляда.

Облачным полднем Куричев зашел в газогенераторное помещение мельницы посмотреть, как работает отремонтированный двигатель. После никелевого мерцания солнца Куричеву показалось, что он нырнул в непроглядную темноту какого-то амбара. Оторопело задержался в воротах, и обманчивый мрак просветлел: из глубины округлился бок двигателя, заскользили приводные ремни, натянулся лазурный круг мелькающих колесных спиц.

Куричева оплеснуло терпким и горячим запахом масла и понесло в детство, к токарному станку отца в вагонном депо. Но Куричеву не удалось пожить в полузабытом мире мальчишества: к нему подкрался и толкнул большими пальцами под ребра начальник пионерского лагеря Драга.

Боявшийся щекотки Куричев подпрыгнул. Драга захохотал, присел и зашлепал по коленям. Он носил навыпуск офицерские брюки и рубашку, тоже офицерскую, из плотной изжелта-зеленой ткани. Зимой он демобилизовался, поступил в школу преподавать физкультуру. А на время каникул принял, как говорил, командование пионерским лагерем. Недели две назад он зашел к Куричеву и спросил:

— Слыхал, гитара у вас и голос добрый. Заспиваем? А? — И спохватился, что забыл назвать себя: — Драга. Из лагеря. Там есть с кем петь, да без гитары подъема нет.

И они «заспивали», устроившись на приступках крыльца. В тесный дворик Абышкиных набралось много народу.

Драга трижды приходил к Куричеву, и они подолгу пели, к удовольствию жителей поселка.

— Ты чего? — спросил Куричев, выходя с Драгой из газогенераторного помещения.

Из веселого ухаря Драга превратился в застенчивого просителя.

— Месячный отчет надо составлять, а я, как известно, в счетных манипуляциях профан. Сестра-хозяйка — тоже. Она фельдшер по образованию. Не беспокойтесь, за труды заплатим.

— И много?

— Да не обидим.

— Ты смотри! Две сотни дадите?

Драга растерялся.

— Прежний бухгалтер всего на литровку брал.

— Ну, раз две сотни мало, полтыщи требую! Литровка для меня, что понюшка табаку.

— Полтыщи? Согласен! — крикнул Драга, догадавшись, что Куричев бескорыстен.

С этого дня Куричев зачастил вечерами в пионерский лагерь. Иногда он брал с собой гитару. Отлучки бухгалтера не могли не вызвать в среде жителей разнотолков. Одни говорили: горожанина тянет к горожанам, другие утверждали, он-де крепко подружился с Драгой, а большинство придерживалось мнения, что он влюбился. Между последними тоже не было единства: кто предполагал, что он влюбился безнадежно, а кто — взаимно.

В конце лета молва прекратилась: уехали восвояси обитатели лагеря.

Сентябрь был пронизан покоем и желтизной. Установилось безветрие. Деревья облетали медленно. То на утренней, то на вечерней заре Куричев и Федор Федорович уходили к похолодевшей реке. В затонах и заводях выкидывали маленькую сеть, плавали на резиновой лодке, вбивая в воду раструбом вниз эмалированный абажур, прилаженный к палке. Сочное чмоканье раздавалось над рекой. Берестяные поплавки качались, мигали, тонули, отягченные запутавшимися в сети голавлями, щурятами, курносыми подустами.

Мельница в это время работала недремно. Ее просторный двор, обнесенный забором, плотно заполняли машины, тракторы с прицепами, рыдваны, телеги, таратайки, груженные зерном. Выбивались из сил пильщики, заготавливая чурки из березы. Газогенератор жадно испепелял поленницы в своем кирпичном животе и рьяно клубил из трубы ядра, кольца, ленты дыма.

В эту мукомольную горячку украли Батыя. Искали пса и стар и мал. Сам Куричев объездил все окрестные деревни. Искали через встречных и поперечных, через знакомых, милиционеров. Искали не только из сострадания к Куричеву, но и потому, что был красив, неотразимо ласков непоседливый кудряш Батый.

Однако он так и исчез навсегда.

Рассвет начинался в ущелье: брезжил иссера-серебристо, матово зеленел, гнал медную муть. Потом в каменную прорву ущелья, срезая бока, протискивалось солнце. В сухие морозы оно вставало малиновое, полированное; на его фоне четко выделялись скалы и деревья.

Нынче Куричев проспал рассвет, и когда в полной охотничьей справе: ружье за спиной, патронташ вокруг талии, кривой в кожаном чехле нож на поясе — выбежал на лыжах за околицу, солнце висело над ледяной макушкой горы. Оно было красным, в светлой поволоке изморози и вздымало к небу красный столб.

В конце кряжа Куричев со страхом и изумлением увидел другое красное солнце с красным столбом: солнце и столб повторялись в воздухе, словно в зеркале.

Покамест он скользил к пионерскому лагерю, погруженному в студеное молчание, двойник солнца потускнел, блеклая краснота закоптилась.

У ворот Куричев остановился. Отражение призрачно заструилось и истаяло, занавешенное тучами.

Он шел вдоль ограды, смотрел в просветы балясин на дом и ель. На крыльце алели в снегу следы, а на затененных перилах, тоже заваленных снегом, выделялась широкая вмятина. Это он вчера всходил на крыльцо, это он сидел на перилах. Здесь, в безмолвном доме, жила летом сестра-хозяйка Нина Солдатова.

Куричев продышал на стекле круглую ямку и заглянул внутрь комнаты. Там ничего не осталось, кроме чучела совы, иссохших пчелиных сот на столе, за которым составляли финансовые отчеты.

Он выходит на проселочную дорогу, по которой ездил однажды с Ниной в кумысную. Плотна дорога. Лыжи звенят. В кронах сосен мелькают снегири. Сорока перелетает меж придорожных деревьев. Морозно. Величественно. Но тогда было лучше. Цветные поляны: гвоздика, иван-чай, синюха, пушица и колокольчики, колокольчики, колокольчики... С гранитных вершин скатывалось воркованье голубей. Батый то соскакивал с ходка в траву и нырял в ней, помахивая обрубком хвоста, то прыгал обратно и сидел на облучке, с веселой усталостью дышал, блестя влажными резиновыми подгубьями.

На голове Нины был белый платок. В светлой сени платка колыхалась у лба черная прядь, сквозил меж ресницами ласковый блеск глаз, в невольной улыбке покоились губы.

Кумысная стояла близ родникового ручья, закрытого ветками папоротников. Неподалеку желтел гладко оструганный длинный и узкий стол. Дальше лоснились бревна коновязей, а за ними высились изгороди загонов; в одном резвились жеребята, в другом, вытягивая головы поверх жердин, тоскливо ржали лошади. Молодые стройные башкирки накидывали волосяные петли на шеи кобыл, выводили к коновязи, доили в туеса.

Нина познакомилась с одной из девушек, Линизой, взяла у нее укрюк и ловко заарканивала лошадей.

Когда Нина вбегала в загон, Куричев бледнел от тревоги: лягнут, наступят, укусят, стиснут. А она, пробираясь к недоенной лошади, проворно мелькала в табуне, оборачиваясь, смеялась.

С позволения Линизы Нина подоила пегую кобылу. И когда выливала молоко из туеса в бидон, к ней подбежал жеребеночек, ткнул мордой в плечо и отпрыгнул.

Нина хлопнула ладонями. Он отскочил, игриво попрядал ушами и вдруг стрельнул к ней, промчался впритирку. Нина побежала за ним. Он запрыгал вполоборота, косясь дегтярным глазом. Едва Нина обвила его шею, он начал мягко вскидываться, словно хотел встать на дыбы.

Нине и Куричеву понравился кумыс. Они сидели на высоких лавочках, облокотясь на длинный стол, и пили этот ядреный напиток. Во взгляде Нины было столько тепла и доверия, будто между ними установилась большая тайна. Да, пожалуй, у них тайна, но не такая, которую нужно скрывать, потому что она безнравственна, а такая, которая теряет очарование, если в нее посвятить постороннего.

На обратном пути правила Нина. Она держала вожжи в вытянутых руках, под гору сдерживала коня, и ее локоть оказывался возле губ Куричева. Хотелось поцеловать этот шершавый локоть. До сих пор он не верит, что нашел в себе силы сдержаться.

У валунов, зияющих змеиными норами, они попали под ливень. Куричев хотел отдать Нине пиджак, но она воспротивилась. И пока дождь переминался на струях-ногах, Нина мокла, радостно поеживаясь.

Воспоминание взволновало Куричева не менее, чем июльская явь с волнами колокольчиков, табуном лошадей, туесами, волосяными укрюками, игруном-жеребенком и ливнем.

Склоны были долги, подъемы круты. Разгоряченный и отуманенный воспоминанием, он незаметно для себя переваливал гору за горой.

Кумысная до карниза была укрыта снегом, загоны угадывались по верхушкам кольев, на стол и лавочки надуло снежные барханы.

Куричев недвижно стоял около родника. Под коркой наста булькала вода. Куричев не страдал сентиментальностью, однако его умиляло то, что рядом, под мягкой высотой снегов, лежат травы, по которым минувшим летом ступала Нина. Неважно, что не осталось следа. Важно, что тепло думаешь о земле, где ты испытывал счастье и где оно способно повториться в твоей душе.

Он загремел лыжами, миновал кумысную, загоны и скатился в лог, к ракитнику. На ум пришли два красных солнца с красными столбами. Его воображение держало оба светила порознь, а когда они начинали сближаться, он упрямо раздвигал их. Они опять устремлялись друг к другу, снова приходилось их разводить. Он не хотел допускать, чтобы действительное солнце соседствовало с отраженным. Петляя меж кустов, он догадался, что не случайно представил те два солнца. У родника мелькнула давняя мучительная мысль: «Тоска о счастье — тоже счастье, но не утоленное»,— и в его сознании она преобразилась в солнце и его мираж, не такой яркий и светоносный, как оно само, и все-таки яркий и светоносный.

Среди ракит попадались болотца. Они белели вихрами кочек, коричневели высоко выкинутыми рогозовыми «шишками».

Что-то темнело поодаль от ракитника. Непременно лиса. Спать на открытом месте куда безопасней, чем под кустом. Она. Желтый клубок, над ним углы ушей в черной каемке. Дрыхнет и слушает. А подойти легко: навстречу шуршание поземки. Осторожно взвести курки. Хорошо, что пробирает дрожь волнения: забыты недавние переживания. Зачем вспоминать о них? Сразу вспыхнули в мозгу красные солнца. Вскинь ружье — и солнца исчезнут. Приклад к плечу. Нажимай спуск. Осечка. Нажимай другой. Бабахнуло. Лай, тонкий и жалобный, как тявканье обиженного щенка. Ранил лисицу, но она уходит. Время от времени прихватывает зубами заднюю ногу — выкусывает дробь.

Чем дальше уходит лисица, тем радостней Куричеву, что не застрелил ее. Нажимай, рыжуха! Живи, мышкуй! Приятно, бродя на лыжах, увидеть на крахмальной чистоте поля пламенеющее желтой шубкой существо. Оно повернет мордочку на твой озорной крик и, взмахивая хвостом, поскачет прочь. Разве сегодня он выстрелил бы? Нет. Так получилось. Ты, наверное, устала? Соберись с силами, роща-то совсем рядом. Вот ты и в лесу, отлежись в буреломе. А он, Куричев, подастся домой. К сумеркам должен добраться до поселка. Надо спешить, пока не разгулялась непогода. Гляди-ка, забуранило! Прежняя дорога отпадает. Есть путь короче, правда, рискованный. Ничего, не впервой!

Куричев раскрыл полы задубенелого полушубка, разбежался изо всей мочи. Его понесло к подножию горы.

Снег повалил густо, белой мутью накрыло склон. Расплывчато виднелись вблизи скалы и черные лиственницы.

В добрую погоду Куричев легко съезжал по круче, а теперь с тревогой ждал, когда можно будет снять лыжи и скатиться как придется.

Передними концами лыж он ощутил пустоту. Глубоко вдавил палки в сугроб и остановился. Не успел сообразить, что делать дальше, как лыжи продавили срез обрыва и запали носами в буранный хаос.

Он полетел в бездну, затем шаркнул лыжами по чему-то твердому и закувыркался в снегу.

Привалился к стволу ели, отер шарфом лицо, сел. Вдруг почувствовал, что правой ноге легко. Шевельнул ею — беда! Крепление на валенке, а лыжа оторвалась. Снял другую лыжу, попытался найти потерянную, но сколько ни ползал, не обнаружил ее.

Буран усиливался. Опираясь попеременно на палку и на лыжу, он пошел вниз. Наст часто проваливался, и Куричев выше колен погружался в снег.

Иногда Куричев валился от усталости.

Он все-таки сошел в долину и поднялся до диких вишенников. Здесь вырыл яму, устелил ветками и лег. Стало покойно, будто очутился на печи, где пахнет глиной и вениками.

Лежал бы и лежал, не шевелясь. Какое великое удовольствие — повалиться после утомительного перехода куда пришлось, уютно замереть, созерцая доступные взору предметы! Как это здорово: лег в яму и вроде оказался вне пурги с ее свистом, холодом!

Куричев смежил веки и сразу услышал, как звенит ледяная пыльца, осыпаясь на полушубок. Этот хрупкий звон напомнил ему решетчатую калитку и его самого, уходящего из пионерского лагеря.

Он шел, наигрывая на гитаре. Смеркалось. Поникшие ветви берез, что росли на придорожном взгорке, были черны. За калиткой ему стало стыдно. Не к лицу таскаться каждый вечер сюда, где он старше всех взрослых. И одет, наверное, не по годам: шляпа на затылке, пиджак внакидку, ворот рубахи нараспашку. Пусть ты испытываешь все, что испытывает парень, и так же непосредственно, горячо, но как бы ты ни сохранился душой, ты стар обликом: морщины, седина, дряблеющая кожа. Кто поверит, что ты действительно молод и не рядишься «под парня»?

Куричев невольно начал громче перебирать струны.

«На кого сержусь? Сидели дружной компанией, шутили, смеялись, пели. Никто ничем не обидел. Ни один человек из присутствующих не подал виду, что есть какая-то разница между его летами и моими».

Опять застенчивый шепот струн. И вдруг не то окликнули, не то померещилось:

— Анатолий Маркович!

Нет, зов, ясный, долгожданный. Медленно, боясь разочароваться, повернул голову. Нина в своем вязаном свитере и вельветовых брюках побрела к реке... Звала или не звала? Может, только посмотрела вслед, сочувствуя его одиночеству?

Он свернул с дороги, решая, догонять Нину или идти домой. Пока раздумывал, ноги сами собой принесли на тропинку, по которой удалялась Нина.

Она сидела на мостках купальни. Река катилась к сваям, шумно вспучиваясь донными струями, крутясь воронками. Близкий перекат то гремел громко, то затаивался, то всхлипывал.

Нина указала Куричеву на место рядом, он сел, свесил, как и она, ноги с мостков.

— Какие у вас красивые волосы! Серебро и серебро! Я мечтаю поседеть. Белая прядь от лба, виски словно куржаком обметаны.

— А я мечтаю расседеть.

Куричев сидел, прижавшись щекой к грифу гитары. Нина провела ногтем по струнам.

— Сыграйте.

— Не знаю, что!

Нина запела:

Ты, дубрава, моя дубравушка,
Ты, дубрава, моя зеленая,
Что же листья твои чернотой взялись,
Чернотой взялись, стали скручиваться?..

Впервые Куричев понял, что Нина давно таит что-то очень горькое. И едва он успел подумать об этом, она оборвала пение и сказала:

— Анатолий Маркович, ругайте не ругайте... Я... полюбила, вышла замуж, нажила двоих детей... Он грубый, жестокий. Лопнет терпение — соберусь уходить. Угрозами удержит: «И тебя решу и детей!» Решит, точно. А если б и могла уйти, куда уходить?.. Родных нет. Жилье с

детьми снять почти невозможно. А снимешь, чем платить, чем жить? Уйти надо. Но куда?

Куричев чуть не закричал: «Ко мне уйди!»

— Анатолий Маркович, скажите, что делать?

— Набраться мужества и порвать. Впрочем, решай сама. Не хочу быть пристрастным.

— Вы должны быть пристрастным.

— Почему я должен быть пристрастным?

...Куричева хлестнуло по векам снежной крупой. Он заслонился рукавицей и, вдыхая кислый запах сыромятины, мысленно повторил последнюю фразу Нины. И когда спохватился, что утомительно долго и лихорадочно повторяет ее, то словно прозрел, догадавшись, каким глупцом был от постоянного самоуничижения, коль не понял тогда обнаженного смысла ее слов. Она любила его и видела: он тоже любит. Прямей, чем сказала, не могла сказать...

Буря не утихала. Закат был густо ал, и казалось, что непроглядная пурга набухла кровью.

«Надо бы идти дальше»,— подумал Куричев. Он попробовал двинуть поврежденной ногой и еле-еле переместил ее.

«Полежу немного. А там и стихнет».

Он вытер отворотом рукавицы лицо, повернулся на бок. Едва закрыл глаза, в сознании закачались радужные тенета. Постепенно они растаяли. Образовалась тропинка. Из кустов выпрыгнул Батый и побежал за летящим над тропинкой кривокрылым тетеревом.

Потом Куричев увидел себя. Он шел по шоссе среди множества легковых автомобилей. Из окна мраморного здания позвала Нина. Он побежал, глядя на нее, лежащую грудью на подоконнике.

Но вот беззвучной синей массой наплыл на Куричева автобус. Куричев припал к асфальту и ждал, когда загомонит испуганная толпа и засвистят милиционеры, останавливая машины. Вместо толпы и милиционеров пришла Нина. Она гладила его твердую щеку, пела незнакомую радостную песню о солнце, небе, озере.

Поиски начали ночью, еще в буран. Днем Садык Газитуллин нашел замерзшего Куричева по лыже, воткнутой в сугроб. Сидя на снегу, Садык рыдал и долго никого не подпускал к месту смерти бухгалтера, грозя ружьем всякому, кто приближался. Он понимал, что никто из присутствующих не виноват в гибели Куричева, но приходил в ярость оттого, что большинство мужчин, даже Федор Федорович, не обронили ни слезинки. Ведь нельзя не плакать о добром человеке, который умер. Невдомек было ему, что по-разному люди переносят горе.

Не менее сильно, чем смерть Куричева, потрясло жителей мельничного поселка письмо, обнаруженное Федором Федоровичем под гроссбухом.

«Семен Пантелеевич, здравствуй! Ох, и давненько я не звонил в Уфу: нет дороги в город. На гужевом транспорте мог бы, да холодно и далеко. Соврал. Соврал. Боюсь встретить женщину. Помнишь, летом писал? Лишнее расстройство в мои годы сбивает жизненную энергию. А энергия мне нужна. Кое-что хочется сделать. И, между прочим, доложу как другу и бывшему моему фронтовому командиру: кое-что я уже сделал. Лесу здесь прорва, а жилые дома строили в год по чайной ложке. Как-то я и говорю директору мельницы в присутствии нескольких рабочих:

«Ехал я сюда, Федор Федорович, думал, что на ваших горах всяких деревьев полно: и сосны, и березы, и лиственницы, а оказалось, горы-то голые».

«Как так голые?! — взъерепенился директор.— Сплошь в лесах. Клевещете!»

Мукомол Садык Газитуллин озорно подмигнул мне: правильно, дескать, подковырнул Федора Федоровича.

«Нет, не клевещу. Если б не были они голыми, то были бы настоящие дома у Габбаса Лапитова, у Кягбы Кунакужина, у Помыткина Степана...»

«Твоя правда, Маркович. Пока горы действительно голым-голы».

С тех пор мы и взялись строить. Директор ссуду дает тому, кто в ней нуждается, а строим сообща, «помощью», как тут говорят. Все это значительно, но не идет в сравнение с живым словом, которое ты приносишь людям. Книгу ли расскажешь, быль ли, из газетки что-либо прочитаешь — все тут навсегда запоминают с большой благодарностью. Иначе и не может быть: глушь, замкнутость, малолюдье. Для меня односельчане — родная семья. У других такого чувства, возможно, нет, а во мне оно глубоко укоренилось.

Здесь, как и в бытность в Уфе, я рассказываю с подробностями о трех несуществующих и несуществовавших дочерях. Все верят. И мне не стыдно, что верят. Разве зазорно под видом действительного рассказывать о несбывшейся мечте? Да и ни к чему открывать, что я не был женат. Старые холостяки — редкость, и подчас на них смотрят, как на людей подозрительных, или недотеп, или как на ископаемых животных. Не станешь же объяснять каждому: я одинок потому, что юношей кормил двоих сыновей брата (светлая им память — погибли в Отечественную), потом служил действительную, через год после демобилизации опять вернулся в армию, бил фашистов, воевал на Востоке... Не станешь же объяснять: я хотел жениться на той, которую полюблю.

А может, надо было жениться просто на порядочной женщине? Таких у нас непочатый край. Но если б женился, то не приехал бы сюда и не полюбил, как ждал: до скончания дней. Я склоняюсь к тому, что стоило остаться бобылем, чтобы встретить ее.

Что еще? Покамест все. Будем жить дальше! Не существовать! Завтра приедет на кошевке почтальон Афоня. Он старик, кудрявый-раскудрявый, шапкой не покрывается. Ввалится в контору за почтой, спросит, нет ли поручений, и помчит в район. Я открою форточку и до моста буду провожать взглядом крытую инеем Афонину голову, расписной задок кошевки, серого мерина, пускающего из ноздрей, как из труб, пар.

Встретишь кого из общих знакомых, так крепко пожми руку за меня, Анатолия, сына Маркова».

Третий год пошел, как похоронили Куричева, а жители мельничного поселка часто поминают его добром. И всякий раз не преминут рассказать приезжему, каким душевным, благородным и веселым был седой бухгалтер Куричев.

К тому, что было на самом деле, прибавляют то, чего не случалось.

Да и как не выдумать красивую историю о том, кто оставил золотую отметину в сердце!

Магнитогорск.

ЗАКАНЧИВАЕМ РАЗГОВОР О ПИСЬМЕ ЖЕНИ ПРЯДКО

ДЕЛАТЬ ЖИЗНЬ С КОГО?

Заметки писателя

Всеволод КОЧЕТОВ

Недавно мне рассказали о комсомольском работнике, который готовился к выступлению на каком-то совещании. Молодой товарищ собирал для этого случаи пьянок среди молодежи, расхлябанности, стиляжничества, всяческих иных моральных неустройств и отклонений. Он так старался, так истово трудился, что коллекцией своей заполнил не одну страницу записной книжки. А когда это сделал, то разрозненные историйки мало-помалу стали для него сливаться в некий до крайности мрачный монолит. В конце концов они заслонили собою все иное в жизни, и товарищ схватился за голову: что, мол, творится, что происходит, куда идет молодежь!

О молодом паникере, который перепугал самого себя, мне рассказывали в перерыве между заседаниями замечательного Всесоюзного совещания передовиков соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда, происходившего в последних числах мая в Москве. Были переполнены молодежью Георгиевский и Владимирский залы, Грановитая палата, все фойе и балконы Большого кремлевского дворца. И в светлой, радостной атмосфере, которую с заводов и весенних полей принесли с собою молодые рабочие и молодые колхозники, над рассказанным можно было только посмеяться. Там, где так могуче бился пульс трудовой жизни страны, история коллекционера неурядиц выглядела случайным анекдотиком.

Но анекдотический случай этот заставил меня вспомнить другую сцену. Она имела место одним мартовским днем, вскоре после того, как в журнале «Огонек» было опубликовано письмо, озаглавленное «Что мне делать?» и подписанное Женей N., или, как мы теперь узнали, Евгенией Прядко. Швыряя кисть руки на журнальную страничку с письмом двадцатилетней девушки, гневно бия косточками сухих пальцев по типографским строкам, седовласый получатель пенсии возмущался: «Они даже не ведают, что напечатали. Это же до предела типично! Наша молодежь не закалена, не подготовлена к жизни».

Если над молодым и неопытным комсомольским работником, рухнувшим под бременем им же самим натасканных отовсюду безрадостных происшествий, можно было веселиться, то над выводами товарища, убеленного сединой, стоит и призадуматься.

Для молодежи всегда нелегко было выбирать правильный жизненный путь. Подымаясь на собственные ноги, молодежь всегда нуждалась в наставнике, в добром, умном советчике, искала примера для себя, такого примера, который Владимир Маяковский называл «делать жизнь с кого». Молодые люди не сразу находят верную дорогу, они склонны к раздумьям, сомнениям, иной раз даже впадают в полнейшую растерянность. И разве же это не естественно и не понятно? Разве каждый из нас не знает, что в любом деле первый самостоятельный шаг совершается не так-то уж уверенно, без должного умения, без необходимого навыка? А тем более в таком «деле», как жизнь!

Девушка, адресовавшая письмо редакции «Огонька», жаловалась на однообразие и скуку своей жизни в деревне, рассказывала о безрезультатных попытках поступить в педагогический и фармацевтический техникумы, в медицинский институт. Рассказывала о случайной работе в санатории, о работе машинисткой, о своих сомнениях и разочарованиях. Она обращалась к редакции журнала с горячей, искренней просьбой: «Помогите же разобраться во всем этом. Как найти правильный путь в жизни?»

Но в этом ли то типическое, что действительно содержится в истории с письмом Евгении Прядко? В том ли, что через ее письмо, будто через магическую призму, видны «незакаленность», «жизненная неподготовленность» нашей молодежи, как посчитал седовласый товарищ?

Что ж, если бы письмо, выдержанное в таких тонах, наполненное такими мотивами, было опубликовано, скажем, в журнале под тем же названием — в «Огоньке», но в «Огоньке» дореволюционных лет, оно смогло бы, пожалуй, послужить прогрессивным публицистам того времени поводом для раздумий над пороками и язвами одряхлевшей романовской России. В самом деле, получается ведь будто бы и так, что двадцатилетняя девушка, одаренная, пытливая, тянется к свету, к знаниям, к жизни многообразной, интересной, содержательной, а жестокая действительность такова, что девушка в тупике и, несмотря на свои способности, обречена на прозябание в провинциальной глуши.

Но так письмо Евгении Прядко могли бы прочесть лишь в том случае, если бы при подобных мотивах в нем содержались иные факты. Иначе, то есть таким, какое оно сейчас, его бы просто не поняли. Не поняли бы, на что же сетует девушка, которая смогла, оказывается, свободно получить среднее образование — окончила десятилетку, смогла легко разъезжать на какие-то средства по разным городам страны, имела возможность учиться на курсах машинописи и приобрести профессию машинистки; затем посещала подготовительные курсы для поступления в техникумы и в институт, и если все-таки в вуз не поступила, то отнюдь не потому, что ее кто-то от института оттирал или отталкивал, а только по своей собственной вине — провалилась на экзаменах; имела, оказывается, эта девушка и возможность работать, и не в одном месте, а в нескольких, да еще в таких, где руководители, как пишет сама Евгения, «беспокоились о нас, желали нам, чтобы сбылись наши мечты», где «в первый же год» и ей и ее подруге «подарили отрезы на платье, а потом вынесли благодарности, и еще горком комсомола вручил похвальные грамоты».

А если бы в письме люди прошлого прочли к тому же строки о том, как Евгения редактировала стенгазету, как участвовала она в художественной самодеятельности, как занималась спортом, и не безуспешно, то одни бы читатели той поры, безусловно бы, порешили, что все это фантастические россказни и что такой страны, где бы двадцатилетний человек имел столько прав и столько благ, не существует, и были бы правы, так как в ту пору этой страны и не существовало; другие бы, пожалуй, подумали, что автор письма — дочь кого-то из весьма сильных мира сего, что ее отнюдь не обременяют заботы о хлебе насущном, но, имея всего вдоволь, томится она от избытка неиспользованных молодых сил.

Сегодня факты, изложенные в письме Евгении Прядко, никого не удивили, но то, как расценила и обобщила их Евгения, вызвало тревогу у читателей. Более полутора тысяч писем — и индивидуальных и коллективных — получил «Огонек» в ответ на письмо девушки. Есть среди писем и такие, авторы которых сочувствуют Прядко, понимают ее потому, дескать, что и у нее и у них положение дел сходное: на экзаменах в институт провалились, та случайная работа, на которую устроились временно, до следующих экзаменов, не нравится. Есть и еще письма, в которых Евгению отчитывают самым жесточайшим образом, обвиняя даже в том, чего за нею на самом-то деле, думается, и нет. Но подавляющее большинство взявшихся за перо встревожено судьбой девушки и готово подать ей дружескую руку помощи.

И если говорить о чем-то типическом, то вот эта тревога, вот это желание помочь незнакомому человеку и есть самое что ни на есть типическое, что принесло с собой опубликование письма на страницах журнала,— типическое для нашего времени, для нашего общества, для наших людей.

Человек — самое дорогое у нас, говорим мы. И имеем на то все основания. Ну есть, конечно, в советском обществе и такие люди, для которых существует одна-единственная ценность на свете — это они сами. Участок, отведенный им под коллективный огород, граждане эти способны превратить в источник частнособственнической наживы; должностью в советском учреждении — например, в жилищном отделе — воспользоваться для получения взяток; через свое умение бойко болтать на собраниях и совещаниях «сделать карьеру», а заняв не по праву важный пост, отталкивать от живого дела всякого, в ком им видится «конкурент», и так далее, и тому подобное. Стяжатели, карьеристы, бюрократы, себялюбцы всех мастей, эти «борцы за существование», способны испортить настроение, способны осложнить жизнь, затормозить на каком-то участке наше движение. Тут уж ничего не скажешь: что верно, то верно! Но вот тысячи дружеских, заботливых рук, протянутых со всех концов огромной страны,— и ты видишь: да, человек у нас поистине самое дорогое. Не по отдельным типам, не по десяткам их или сотням, а по миллионам, по многим миллионам надо судить о душе и морали народа.

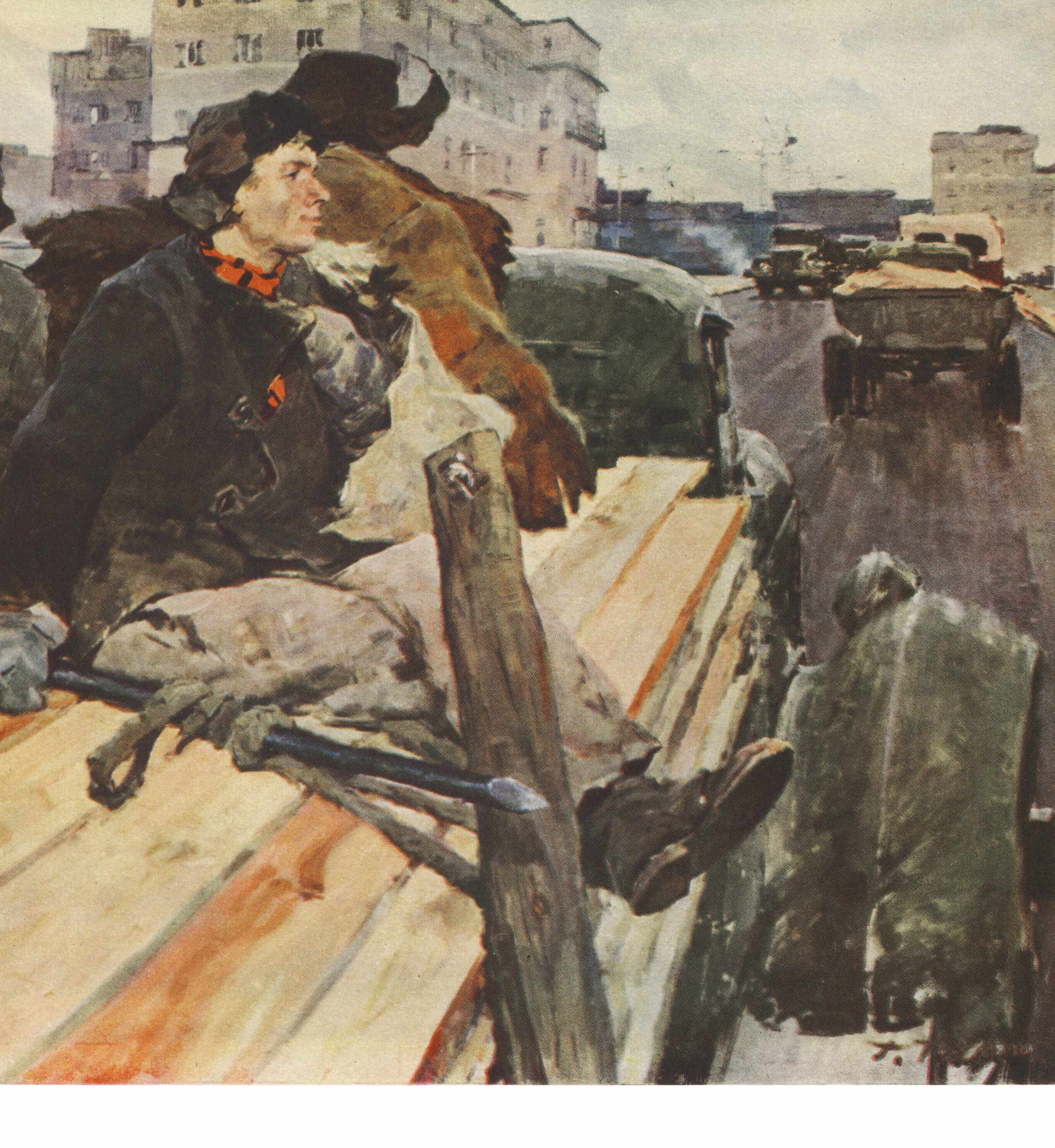
Я бы не стал укорять тех, кто в своих письмах сурово отчитывает Евгению Прядко. Судя по письмам, каждый из них имеет свой жизненный опыт, не всегда легкий

Г. Песис. НА ОКРАИНЕ.

Художественная выставка «Советская Россия»

На первой странице вкладки:

Ю. Боско. НАД ВОЛГОЙ.

На обороте: **Б. Семенов.** УТРО.

30

опыт, и, опираясь на него, имеет полное право высказывать любое свое суждение. Но сам бы я не слишком осуждал и Евгению. Единственно, в чем бы, думается мне, следовало ее упрекнуть, это в том, что она не боролась с чертами индивидуализма в своем характере, которые и привели девушку в конце-то концов к ее растерянным, бесплодным и бесцельным метаниям по жизни.

Одно из самых скверных и трудно преодолеваемых наследий нашего прошлого, еще живущих и до конца не изжитых,— индивидуализм, стремление человека замкнуться в себе, жить только собой и для себя, все общественные явления оценивать только по принципу: а что это дает мне, что имею, что получу от этого я?

Не знаю, как так случилось, но по письму видно, что за Евгенией Прядко этот грех индивидуализма числится. Ни разу не пошла она с размышлениями своими, с горестями, сомнениями к кому-либо из друзей-комсомольцев, в комсомольскую организацию. Она утверждает, что завидует молодым людям, которые работают на заводах, состоят в бригадах коммунистического труда. Но ведь стоило ей не «тетю Эллу» и не случайных встречных избрать себе в советчики, а пойти к комсомолу, и она, конечно же, немедленно оказалась бы и на заводе, и на любой интереснейшей стройке, и на целине — где угодно. Разве не дал бы ей туда путевку комсомол?

Месяц назад я был в цехах завода «Ростсельмаш». Сотни, тысячи веселых, бодрых, жизнерадостных молодых рабочих и работниц заняты на заводе тем, чтобы ежедневно давать сельскому хозяйству нашей страны ни много ни мало — две сотни самоходных комбайнов. Некоторые из молодежи уже добились тут звания ударников коммунистического труда. Жизнь их насыщена интересными, значительными событиями, она их радует, волнует, увлекает. Отработав семь часов в цехах, люди занимаются спортом, участвуют в художественной самодеятельности, ходят в литературную группу, учатся — заочно и очно — в техникумах и институтах. Среди них три тысячи таких, которые, подобно Евгении Прядко, окончили десятилетку. Их с готовностью приняли на завод. И на любом ином заводе, где бы ни случалось бывать, я слышал самые лучшие отзывы о молодежи, пришедшей к станкам после десятилетки. Таких любят и ценят на производстве.

Да, мне думается, Евгения изрядно грешит индивидуализмом. Повинна в этом в немалой степени, очевидно, и ее семья. С девчоночьих Жениных лет домашние умилялись ее «талантами», тем, как поет она под гитару, как рисует, танцует и даже вот пишет стихи.

Скольким замечательным мальчишкам и девчонкам не в меру увлекающиеся родители испортили и портят жизнь, стремясь из прилично играющих или поющих в семейном кругу ребятишек непременно вырастить Марин Козолуповых, Давидов Ойстрахов или Иванов Козловских! Сколько убивается на это времени, средств, детского здоровья, а в итоге — в лучшем случае тапер ресторанного джазика или домашняя исполнительница «жестоких» романсов. И только. А ведь, может быть, один, если бы его не тащили за уши в музыкальное училище, мог стать знаменитым мастером угля, подобно Николаю Мамаю, а вторая — не менее прославленной ткачихой, такой, как Валентина Гаганова.

Итак, что касается меня, то я упрекаю Евгению Прядко лишь в том, что она, не дожидаясь, чтобы это за нее сделал кто-то другой, сама не взялась за исправление некоторых черт своего характера — не боролась со своим индивидуализмом. Один итальянский читатель «Огонька», Луиджи Джаварди, откликнувшийся на письмо Жени N., пишет ей: «Вы ограничивались незначительными успехами и при первом серьезном затруднении бросались на новое поприще, не стремясь преодолеть трудность. А между тем именно борьба за преодоление препятствий помогла бы вам разобраться в том, какая из областей деятельности более соответствует вашим способностям и вашим возможностям». Замечание это абсолютно правильно. Но зададим себе вопрос: была ли подготовлена девушка к преодолению трудностей, вступила ли она в жизнь как боец, устремленный к какой-то цели, а не просто как плывущий по течению времени «житель» земли?

Кто же должен был подготовить Евгению Прядко к преодолению трудностей? Ответ один: семья, школа, пионерская организация, комсомол. Но если бы нашелся исследователь, желающий проследить путь Жени через семью, школу и молодежные общественные организации, то на этом пути он несомненно бы обнаружил немалые колебания и ухабы, и для него стало бы ясным, что с Женей не очень-то работали, что излишне часто она была предоставлена самой себе. В семье восхищались обилием ее «талантов», в школе (училась Женя еще до перестройки) ей изо дня в день внушали убеждение в том, что у заканчивающего десятый класс один-единственный путь — в институт, без института, дескать, жизни на земле нет. А какова была роль пионерской и комсомольской организаций в Жениной жизни, по письму и вообще не видно: то ли она избегала участия в их работе — и так бывает,— то ли они не были настойчивы и не вовлекли Женю в работу — так тоже случается.

Мы говорим: «семья», «школа», «пионерская организация». Но ведь все зависит от людей, от того, какие люди в семье, в школе, в руководстве пионерской организацией. Бывает, что плоха семья, но хороша школа. И молодой человек вопреки семье вступает в жизнь отлично подготовленным. А бывает, что семья хороша, а вот учителя иные попадутся неважные, и до того неважные, что даже и хорошая семья не может нейтрализовать тот вред, какой эти педагоги причиняют восприимчивой, легко ранимой мальчишеской или девчоночьей душе.

Я знаю директора одной школы (к сожалению, это женщина), которая хорошими учениками почитает только тех, кто кляузничает, подхалимничает, всячески перед нею выслуживается. Остальные, по ее мнению, никуда не годятся. Каждый легко может себе представить, как в такой атмосфере уродуются детские души, с какими представлениями о жизни выходят молодые люди из подобной школы. Все силы мизантропка-директор тратит на то, чтобы выдумывать и причинять неприятности ученикам, которые не желают лебезить перед нею, которые растут смелыми, неподкупными, самостоятельными. По окончании школы она выдает им самые отрицательные характеристики. Все видят это, но когда я поинтересовался, почему же видят и терпят, мне ответили, что этой даме осталось дотянуть несколько лет до пенсии, пусть, мол, дотягивает, жалко портить ей биографию. Кто знает, может быть, не попав своевременно в ветеринарный институт, к которому она, возможно, имела тяготение, а затем провалившись на экзаменах в институт швейной промышленности, куда ей посоветовала пойти ее «тетя Элла», поступила эта женщина с отчаяния, без призвания к делу, без любви к детям в институт педагогический, поступила, кое-как окончила да вот почти три десятка лет и калечит ребячьи жизни.

И в то же время известна мне другая школа. Там директорствует человек, всю войну провоевавший офицером-артиллеристом, а по окончании войны сразу же вернувшийся в школу, которую он горячо любит. Это человек благородной, справедливой души. Поэтому и в школе установилась атмосфера благородства, нетерпимости ко всему низкому и некрасивому. Подхалимству и угодничеству тут места нет.

Окажись Евгения Прядко именно в такой школе, ее к жизни подготовили бы основательней. С нее бережно удалили бы излишнюю спесь, взращенную похвалами домашних по поводу изобилия «талантов» у девочки, ее бы научили понимать силу коллектива, окрылили бы светлыми, красивыми целями, во имя которых человек способен преодолевать любые трудности в жизни.

Все пороки и недостатки человеческой натуры, укоренявшиеся тысячелетиями, за сорок лет не изживешь. Но мы видим, как многие из них уже отступают перед нашей новой действительностью. Отступает и этот мрачный цепкий порок — индивидуализм, стремление жить только для себя, то есть тот краеугольный камень, на котором держится вся буржуазная мораль, вся буржуазная идеология, весь мир капитализма. Случайно ли, что каждая книга буржуазного писателя, каждый фильм буржуазной киностудии, каждый спектакль буржуазного театра воспевает, воспитывает, разжигает в людях не что иное, как индивидуализм во всех возможных формах и проявлениях? Это социальный заказ буржуазии своему искусству, своей литературе. За исполнение этого заказа платятся огромные деньги. В Риме мы проезжали недавно по району дорогих особняков, принадлежащих тем писателям и деятелям искусств, которые откровенно служат денежному мешку. Эти жилища по роскоши почти равны жилищам самих хозяев денежного мешка. И вместе с тем мне пришлось побывать однажды в гостях у прогрессивного французского режиссера кино, в его скромной парижской квартирке из трех тесных комнатушек. Этот смелый человек всю жизнь служит делу прогресса, он подлинный борец за мир, за правду в искусстве, за человеческое счастье на земле. И поэтому, конечно, ему редко удается поставить картину, он понастоящему бедствует.

«Свобода» для писателя, для работника искусства в капиталистическом мире выражается лишь в том, чтобы «совершенно свободно» избрать путь служения капитализму и тем создать свое благополучие или отказаться от прислужничества и холуйства и бедствовать материально. Если ты «свободно» избрал путь служения денежному мешку, ты свободен расписывать любые мерзости, вплоть до откровенной порнографии, ты свободен сочинять любые сентиментальные романы и выдумывать душещипательные пьески для театра, ты можешь воспевать одиночество, эгоизм, ненависть человека к человеку, проповедовать бесцельность жизни, копаться в самых темных закоулках человеческих душ — тебя будут издавать, тебе будут щедро платить. Но попробуй написать иное, попробуй воспользоваться свободой, предоставленной тебе на словах,— издателя не найдешь. Мы же знаем, какими самодеятельными средствами ставились прогрессивные итальянские кинофильмы.

В нашей стране родилась и укрепляется новая мораль, мораль, основанная на коллективизме, на радости жизни для общества, для людей, для ближних и дальних, мораль не прозябания, не «жительства», а подвига. И немалую роль в рождении и укреплении этой морали сыграли верные помощники партии — советская литература и советское искусство, та, конечно, их часть, которая не плетется в хвосте, озираясь назад, а идущая впереди, открывающая и исследующая но-

Наши вкладки

Изменился пейзаж нашей земли, иными стали и темы живописных полотен. Советские пейзажисты отображают в своем творчестве жизнь со всеми приметами нового, рожденными великим трудом народа.

Типичный пейзаж промышленных районов Урала можно было увидеть на выставке «Советская Россия» в акварелях одного из ведущих художников Свердловска, Б. А. Семенова. Мастер пейзажа, Семенов охотно обращается к жанру, стремясь показать жизнь и быт тружеников Урала.

Сталинградец Юрий Боско всего два года назад окончил Институт живописи и ваяния имени Сурикова в Москве. Первые полотна молодого художника, посвященные строительству Сталинградской ГЭС, написаны с большим мастерством. В них чувствуется романтическая приподнятость, гордость за простого человека, побеждающего стихию.

На многих полотнах молодого ленинградца Г. А. Песиса запечатлены образы народных героев, исторические моменты из жизни России. Но и этот художник не проходит мимо тем, подсказанных современностью, делами и заботами великой стройки.

вое в обществе, новое в человеке, новое в жизни на земле. Литература и искусство Горького, Маяковского, Шолохова, Фадеева, Серафимовича, Фурманова, Н. Островского, Вишневского, Гладкова, Павленко, Афиногенова, Корнейчука, Лавренева, Катаева, Погодина, Луговского — всех литераторов, следующих путем служения революции, народу, всех тех, кто помогал и помогает партии вырастить героев первых пятилеток, героев Великой Отечественной войны, героев послевоенного восстановления. На этой оптимистической, светлой и мужественной литературе воспитывались и такие герои нашего сегодня, как Валентина Гаганова, Николай Мамай и сотни, тысячи других.

Евгения Прядко, знает ли она о том, что совершила Валентина Гаганова, молодая прядильщица, полностью распрощавшаяся с унаследованным от прошлого вредоносным индивидуализмом? Из отличной, передовой бригады Гаганова перешла руководить отстающей. Она потеряла на этом изрядную долю заработка, взвалила на себя бремя новых, дополнительных забот и трудностей.

Окинуть взором всю мировую литературу — где, когда, кем было сказано или написано о таком герое? Это герой новый, совершенно новый, герой не только нашего времени, но буквально сегодняшний. И он уже не один. На Всесоюзном совещании передовиков соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда было сказано о том, что у Гагановой уже двадцать четыре тысячи молодых последователей. Это значит, что двадцать четыре тысячи опытных бригадиров из передовых бригад добровольно перешли в отстающие бригады. А сама Гаганова рассказала на этом совещании историю того, как шесть девушек-прядильщиц из ее бригады, чтобы помочь одному из наиболее отстающих колхозов в районе, отправились туда доярками и сейчас хорошо работают. Шестьсот молодых людей Калининской области двинулись по их примеру в сельское хозяйство.

Кто толком рассказал обо всем этом Евгении Прядко? Евгения, конечно же, знает фурмановского Чапаева, знает Павку Корчагина, знает фадеевских краснодонцев. Родись она двадцатью годами раньше, окажись в огне Отечественной войны, кто скажет, не поступила ли бы эта девушка так же, как поступали Лидия Чайкина или Зоя Космодемьянская? Читаешь ее письмо и чувствуешь, что человек она энергичный, деятельный, но на беду свою бредущий по жизни вслепую, без целей, не ведая идеалов.

Письмо Евгении Прядко, если вдуматься в него поосновательней, это сигнал бедствия, SOS, обращенный и к нашей литературе и к нашему искусству. Литераторы и работники искусств обязаны на жизненном пути Жени и многих-многих тысяч ее подруг зажечь яркие маяки, родить литературных героев, которые бы поднялись вровень с героями нашей жизни. Когда в предвоенные годы юноша и девушка вставали в тупик перед вопросом: «Что мне делать? Как найти правильный путь в жизни?», — они обращались не только в редакции газет и журналов, но и к любимым книгам.

Сегодня герои замечательных книг недалекого, но все-таки прошлого уже не справляются в одиночку с теми огромными задачами, какие возлагаются историей на советскую литературу. Как бы ни был могуч Павел Корчагин, он нуждается в помощи. Время идет, и в одну шеренгу с Корчагиным, с Гавриком, с молодогвардейцами должны встать новые герои, герои эпохи строительства коммунизма. Об этом было сказано и на совещании передовиков соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда. Говорили, правда, еще не в полный голос, вполголоса. Но придет час, заговорят и в полный голос. Будет сказано, надо полагать, и о фильме «Летят журавли», авторы которого отбили поясной поклон в сторону Запада, и о других фильмах и пьесах, которые порождают много слез в зрительном зале, но не открывают пред людьми никаких жизненных горизонтов. Будет, видимо, разговор и о целой серии произведений типа последнего рассказа В. Некрасова, публикующихся за последние два года в журнале «Новый мир», и тут не послужит смягчающим обстоятельством то, что журнал этот из года в год теряет читателей и подписчиков и поэтому, дескать, не так уж сильно вредит молодым умам.

Если вред ограничен малым тиражом — это не утешение. Пусть в двадцать, в десять, даже в одну душу капнет капля нигилистического яда, яда критиканства, яда снобизма, мелкотравчатости, заурядности,— и уже очень плохо.

Среди писем, адресованных Жене N., есть одно из Ленинграда, подписанное «Л. Б. М.». В частности, «Л. Б. М.» пишет Жене вот что: «Вы хотите движения, романтики. Это хорошо. Большинство же, в отличие от вас, оптимисты. Они много работают, здорово едят, их не мучает по ночам бессонница, не обжигают честолюбивые мечты. Они ходят в кино... их не мучает, что они всего-навсего серая толпа. Жизнь проста, как медный пятак». Еще «Л. Б. М.» пишет: «Вы знаете, как на Невском, в толпе людей можно чувствовать себя одиноким до отчаяния, до страха? Вы знаете, что здесь, где жизнь бурлит, словно вода в котле, можно страдать от моральной опустошенности, не зная, куда направить свои силы, чтобы чувствовать себя счастливым?»

Скажем, что из двух тысяч писем такое письмецо оказалось единственным. Но разве не свидетельствует оно о том, что сознание его автора замутнено скверными импортными кинофильмами, которые почему-то в порядке ли проката, в порядке ли просмотра, но так или иначе все-таки просачиваются на наш экран, и теми отечественными, которые изо всех сил подражают им? Не свидетельствует ли это письмо о том, что автор его начитался живописующей индивидуализм посредственной зарубежной литературы, довольно щедро выпускаемой Гослитиздатом и некоторыми другими издательствами? Не стоит ли подумать над тем, откуда же смог молодой человек нашей страны, занятой огромным всенародным созиданием, набраться старомодных, высокопарных рассуждений? Он даже почти как герой недавно вышедшей на экраны картины «Белые ночи» (герой не Ф. М. Достоевского, а именно картины) мелодраматично восклицает: «Нет выхода в действительности. Но его можно найти в мечтах».

Читаешь такое письмо, адресованное Жене N., и думаешь, насколько же внутренний мир Евгении Прядко богаче мира этого унылого, задуренного «мечтателя», которого дурное чтиво ввергло в пучину подражания затасканным образцам «разочарованных» и «умудренных»! Женя растерялась, Женя мечется, но она не сдается, она упорно, настойчиво ищет правильную дорогу в жизнь, она хочет во что бы то ни стало вырваться из кольца сомнений и неудач. А этот? Этот хлюпает носом. Но за его хлюпаньем, за его нытьем и позерством отчетливо видятся породившие такую душевную слякоть пьесы, повестушки, стишки иных разрекламированных слагателей поэм. Снова и снова задумываешься над тем, как точно сказано: «И песня, и стих — это бомба и знамя, и голос певца поднимает класс»! Дать Жене хорошую, волнующую книгу о героях нашего времени, о таких героях, две с половиной тысячи которых заполнили в мае зал заседаний Большого Кремлевского дворца,— дать эту книгу, и многое прояснится в Жениной жизни. Книга может повести девушку за собой на такие же и даже большие подвиги, чем те, что в книге описаны.

Молодых людей, настолько растерявшихся, насколько растерялась Евгения Прядко, немного. Людей, которые активно строят новую жизнь, несравнимо больше. Но можно ли утешаться тем, что одних меньше, а других больше? Даже если бы маленький человек Женя N. оказалась единственной среди нас, то и в этом случае следовало позаботиться о ее судьбе, подать ей руку помощи и главное — подумать о том, как сделать так, чтобы исчезла, ушла из нашей жизни всякая возможность возникновения растерянных метаний и сомнений у молодого, здорового, полного сил человека.

Если бы я был школьным учителем, я бы задумался над тем, что тут должна была делать школа. Если бы я был комсомольским работником, я бы подумал: а не прозевал ли в истории с Женей N. чего-либо комсомол? Но я литератор, и мне естественней раздумывать над тем, что в этой истории прозевала наша литература. Яростно споря о форме, венчая венцами одних и ниспровергая других, порой раздувая ничтожное, то и дело отвлекаясь на второстепенное, мы, литераторы, еще не увидели по-настоящему подлинного героя дня. А если не сделали этого мы, то такой герой, «делать жизнь с кого», плохо виден и Жене.

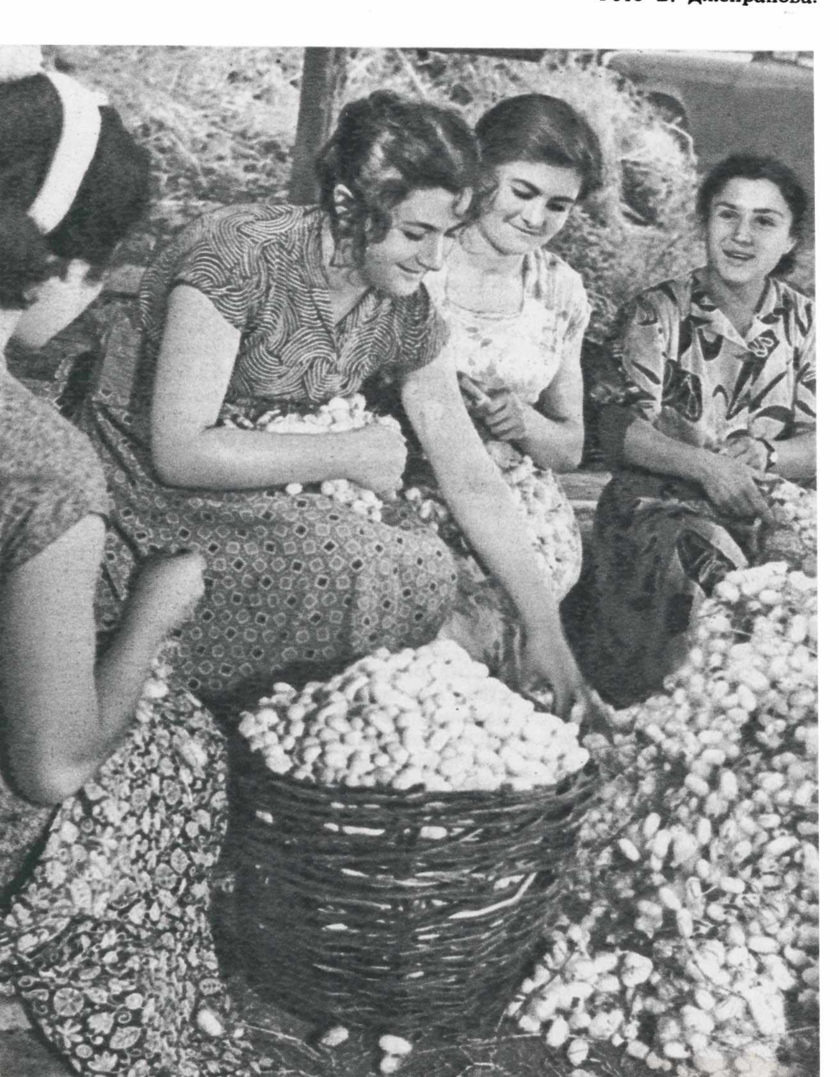
Женя хочет, чтобы ей ответили, «как найти правильный путь в жизни», она спрашивает в своем письме: «Что мне делать?»

Доброжелательные читатели надавали ей столько хороших, полезных, умных советов, что вряд ли эти советы нуждаются в каких-либо иных добавлениях, кроме новых отличных книг о нашей современности, в которых Женя нашла бы для себя пример, жизненный идеал, встретила властителя своих дум и пошла бы за ним в большой путь, может быть, не такой уж еще легкой, но интересной, кипучей жизни.

Колхоз имени Сталина Сигнахского района, Грузинской ССР, обязался сдать государству около 50 центнеров шелковичных коконов.

На снимке: колхозники села Дзвели Анага (слева направо) Л. А. Талиашвили, Д. К. Джамашвили, Л. Г. Зурашвили и Ф. И. Гведашвили сортируют коконы перед сдачей на пункт.

Фото В. Джейранова.

Обработка кукурузы в госхозе Ожешково. В четыре раза по сравнению с прошлым годом выросли здесь площади, занятые кукурузой.

Его величество рабочий класс новой Польши.

ПОЛЬША СТРОИТ СОЦИАЛИЗМ

Прошло шестнадцать лет с тех пор, как Советская Армия и сражающееся вместе с нею Войско Польское освободили Польшу от фашистского ига. «Темной ночью неволи» был для поляков пятилетний период неслыханного гитлеровского террора и наглого ограбления польской земли, государственность которой была заложена еще в конце X века.

Гитлеровское нашествие на Польшу принесло народу неисчислимые беды и страдания. Взоры поляков с надеждой были устремлены на восток, откуда должны были прийти помощь и освобождение.

Усилиями польских патриотов в СССР были созданы национальные польские формирования (сначала 1-я дивизия имени Т. Костюшко, а затем 1-я и 2-я Польские армии), плечом к плечу с советскими войсками сражавшиеся против общего врага — германского фашизма. Советский Союз выступил как бескорыстный освободитель Польши, а когда отгремели залпы войны, по-братски помог в восстановлении страны.

Эшелоны с хлебом, строительными материалами, машинами, одеждой, медикаментами шли на запад — в Варшаву, Краков, Домбровский бассейн, Гданьск и другие города и села Польши. И благодарный польский народ не забыл этого. Всей душой он с народами великого Советского Союза.

Пятьсот пятьдесят лет назад славянским народам угрожал Тевтонский орден. Соединенные польско-русско-литовские войска разгромили тогда в знаменитой Грюнвальдской битве свирепых псов-рыцарей. И хотя канцлер Аденауэр недавно торжественно возложил на себя мантию комтура Тевтонского ордена — знак того, что он продолжает «традиции» этого людоедского сообщества,— история не повторится. Любые попытки нового «Дранг нах Остен» будут пресечены до того, как наследники крестоносцев и Гитлера вылезут из своей берлоги.

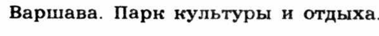
Народная Польша, которая в этом году начинает отмечать первое тысячелетие своего государства, теперь крепка, как никогда. Залог ее крепости — в нерушимом союзе с СССР, со всеми странами могучего лагеря социализма.

В 16-ю годовщину праздника Национального возрождения советские люди шлют братскому польскому народу горячий, сердечный привет и пожелания новых успехов в социалистическом строительстве.

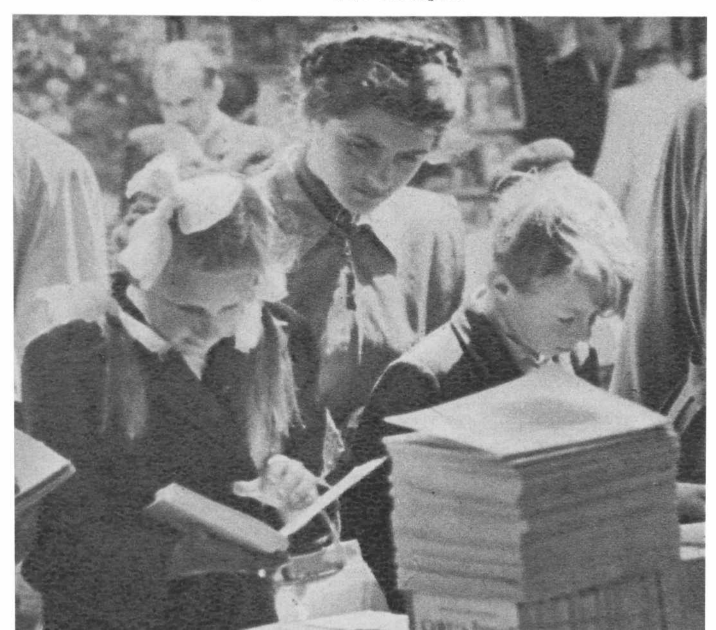

В госхозе Раковец, под Варшавой, для получения ранних овощей вместо громоздких парниковых рам применяют синтетическую пленку, которую натягивают на легкий проволочный каркас.

Год от года увеличиваются тиражи книг в народной Польше. Но интерес к литературе и у взрослых и у юных читателей растет еще быстрее.

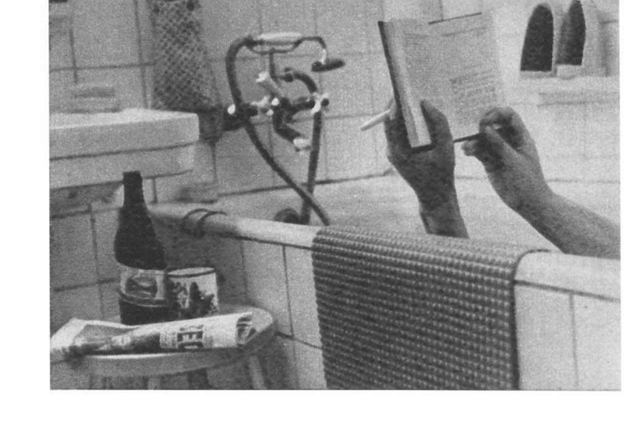

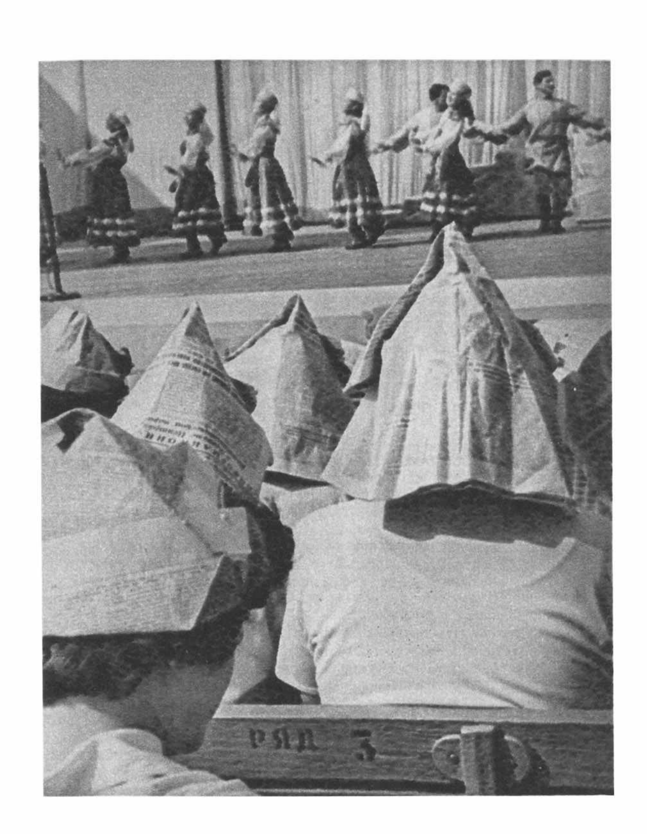
Варшава. Парк культуры и отдыха.

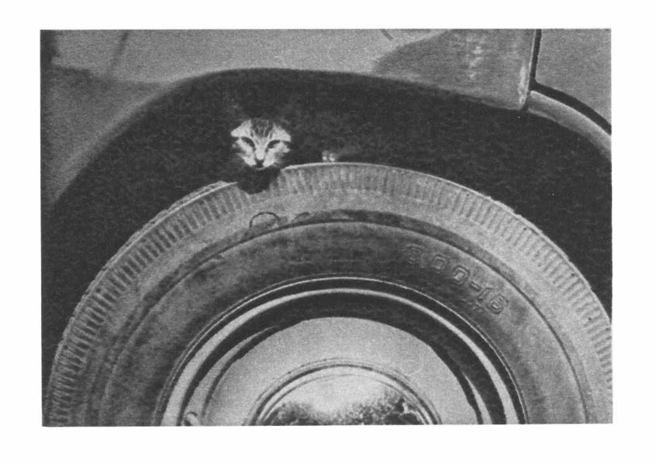

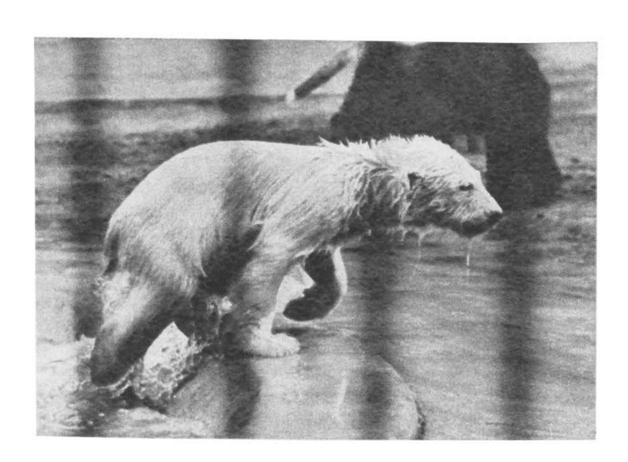
МОСКВА +33°

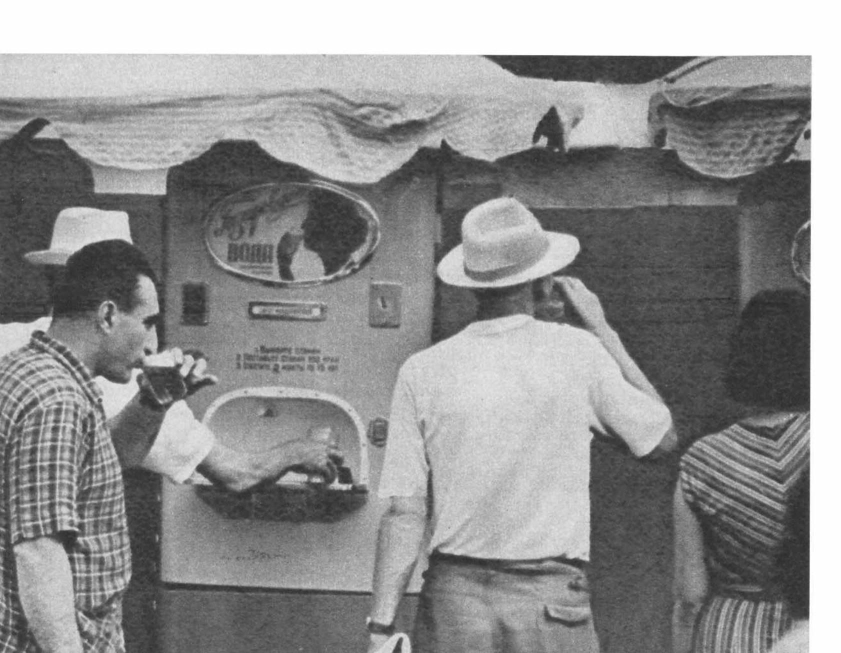
Фото А. Бочинина,
О. Кнорринга,
Ю. Кривоносова,
М. Савина,
Е. Умнова.

ВОДА

1. С пионерского возраста

— А если у меня мечта?!.— спросила тоненьким голоском, но весьма решительно Лида Злобина, смешная курносенькая девчушка, вся усыпанная золотистыми веснушками, с крохотными косичками, торчащими, как на проволоке. Помолчала и спросила еще раз:

— Если у меня мечта?..

Умненькое и милое личико ее густо зарделось, но она все-таки снова проговорила что-то о своей заветной мечте.

Тут старшие не выдержали.

— Рассуждать о такой мечте ты еще мала: только в седьмой класс перешла!— сказала степенная, рассудительная девочка в круглых очках, Ира Берельсон, ученица 99-й новосибирской школы. А Наташа Мазина из 74-й школы, стройная и высокая девятиклассница, весело посоветовала Лиде больше думать об отметках.

— Так у меня же троек нет,— ответила Лида скромно, но с прежним упорством.— А мечтать я имею же право?..

В это время свет погас. Занавес Новосибирского ТЮЗа раздвинулся. Белокурая Изольда в тяжелом плаще выбежала навстречу Тристану, не подозревая о коварстве гда она возвращается поздно. Я взяла такси и повезла школьниц в далекий Кировский район, через широкую и полноводную Обь.

Мастер «Сибсельмаша» Виктор Иванович Злобин — Лидин отец — домовничал, сидел у телевизора с пятилетним Сережкой, поджидая дочку из театра, а жену — Надежду Прокопьевну — от соседки. Все собрались в одно время. Моему приходу никто не удивился: я объяснила, что познакомилась с Лидой в театре.

Сережка тут же стал с ехидным проворством копировать Лидины домашние репетиции. Он развлекал нас, пока Лиде не поручили уложить спать малыша. Тогда Виктор Иванович сказал:

— Мы сами еще не видели, как Лялечка занимается в «Спутнике»... Ну, да ведь всякое дело надо делать хорошо. Были бы способности да старание!

— Лялечка старательная,— заметила ласково мать.— И по дому помогает, и шьет, и вышивает, и с Сережкой возится. Только вот мечта-то у нее нелегкая, хоть и большая.

...Театр непременно рождает в детских душах мечту о театре. И большая мечта, большая любовь к искусству пришла в «Спутнике» не к одной только Лиде...

— О театре вам мечтать еще рано,— часто повторяет он.— Наблюдайте окружающее, учитесь разбираться в людях, в литературе. Цените великие и даже просто хорошие примеры... Начать думать никогда не рано!..

И ребята за год привыкли вместе обсуждать каждую прочитанную книгу, запомнившееся стихотворение, увиденный спектакль, делиться планами. Они привыкли говорить обо всем прямо, отстаивать задуманное, спорить... У них есть свои мысли, свои идеалы.

— Вот что мне в них больше всего нравится! — говорит Кузьмин. Худощавое лицо его с добрыми серыми глазами словно освещается изнутри.— А какие из них актеры, судите сами; не в том суть...

Я пришла в «Спутник» на репетицию пионерского спектакля «О чем говорили волшебники». В полном составе ее смотрели все члены художественного совета ТЮЗа.

Ребята были приподняты, оживлены, но не взвинчены. И все они хорошо, с видимым удовольствием играли незамысловатую сказку. Лида Злобина исполняла роль маленькой обезьянки Чичи. Подвижная и гибкая, будто вся на пружинах, Лида бесшумно и ловко прыгала в своих спортивных длинных

Ленину на нынешнюю нашу Сибирь!..»

Давным-давно устарело представление, что сибиряки угрюмы, замкнуты, несловоохотливы. Напротив, они общительны и радушны. Может быть, потому, что и сама Сибирь стала совсем другой.

Именно таким—новым, светлым, размашистым — рисуют свой край новосибирские художники...

Василий Васильевич Титков пишет мужественных, открытых людей, высокое, в пышных облаках синее небо, деревья, шумящие густой листвой у дорог. Вместе с братом Иваном Васильевичем и другими старейшими новосибирскими мастерами живописи Василий Васильевич Титков создавал «Спутник» при Союзе художников. Как только в городе узнали об этом, на конкурс поступили сотни любительских работ.

Единственным критерием при отборе было призвание. Отбирали людей по-настоящему увлеченных. Этой увлеченностью дышит творчество молодых рабочих — столяра Гаврика и токаря Рожкова, инженера-строителя Бориса Михайловича Ершова, геолога Стасова, киномеханика Вани Вичкапова, скрипача из театра оперы и балета Виктора Лопатина, технолога Инессы Захаровой...

Спутни

злобных вассалов короля Марка. Мои собеседницы замерли... Все они были из «Спутника»— пионерского самодеятельного театра, которым руководит ТЮЗ.

К концу спектакля Лида, не отрывавшая глаз от сцены, забеспокоилась: родители не любят, ко-

Режиссер ТЮЗа, работающий со «Спутником», Владимир Валентинович Кузьмин меньше всего позволяет пионерам «актерствовать». По природе своей Кузьмин прежде всего воспитатель. Он учит детей понимать жизнь, ценить и любить в ней прекрасное.

штанишках вверх и вниз по столам и стульям. Неумолчно щебеча, она тревожилась и веселилась, печалилась и радовалась. Какой-то незримый огонек горел и трепетал в ней, и все смотрели на Лиду как зачарованные.

Нет, тут уж было не просто старательное отношение к делу: Лидина мечта давала знать о себе явственно и зримо... Из педагогических соображений я, конечно, умолчала об этом. Мало ли как обернется мечта в дальнейшем. Возраст-то еще пионерский...

2. Цепная реакция в творчестве

Из Кировского района— красивейшей части огромного города — я возвращалась автобусом, глядя на невиданную, без конца и края многоэтажную новостройку — и обжитую, и только что заселяемую, и не подведенную еще под крышу...

Незнакомые попутчики поведали, что когда-то здесь, под Новосибирском, находилась крохотная, глухая таежная деревушка. Звалась Кривощеково. А рядом станция: через нее проезжал в ссылку молодой Ленин.

Рассказывая об этом, новосибирцы обязательно добавляли: «Вот если бы довелось посмотреть

«Спутник» Союза художников, объединяющий самых разных людей, одинаково горячо привязанных к искусству,— самый молодой в Новосибирске. Но, как и все его старшие собратья, очень работящий. Каждый вторник и каждую пятницу собираются на занятия студийцы, готовят к выставке зарисовки, композиции. И всегда встречают помощь и поддержку шефов. Василий Васильевич ездит на этюды со своими учениками, подолгу сидит над их рисунками. А ведь он и сам очень занят, начал картины «Пихтогонка», «Колхозный чабан с ягненком на руках», «В охотничьей избушке»...

Показалось мне: нечто общее есть у Титкова с Кузьминым, хоть лицом они совсем не похожи.

Что это, сходство сибиряков? Или душевное родство людей, среди которых есть сибиряки коренные и сибиряки совсем недавние?..

...Всего два года назад приехали в новосибирский «Красный факел» из Львова Семен Семенович Иоаниди и Анна Яковлевна Покидченко, супружеская актерская чета. Молодые, одаренные люди сразу стали всем нужны. Стиль новосибирцев — работать много и щедро, быть настоящими общественниками — отвечал их собственной внутренней потребности.

Анна Покидченко завоевала всеобщее признание в «Барабанщице». Сейчас она готовит «Иркутскую историю». Дома у себя актриса кажется совсем юной, задумчивой. Ничто как будто не говорит в ее облике о той неукротимой творческой энергии, которая

Иван Матвеевич Гуляев решил репетировать на свежем воздухе. Со всех сторон спешат послушать свой «Спутник» жители Ордынки.

Фото Д. Ухтомского.

Герман Янсон раскрывает секреты новых па. На первом плане — Галя Колесникова.

KU

Н. ТОЛЧЕНОВА

сделала Покидченко любимицей всего города.

Если кто и может соперничать с Анной Яковлевной в трудолюбии, так это ее муж. Едва начав работать в «Красном факеле», Семен Семенович Иоаниди сразу же вызвался помогать самодеятельности: сказалось давнее тяготение к режиссуре. Все свободное время отдавал артист драматическому коллективу клуба имени Клары Цеткин. И скоро кружок показал такую постановку «Ромео и Джульетты», что стал называться народным театром. Ныне под руководством Иоаниди тут готовят уже пятый по счету спектакль.

Драгоценный режиссерский опыт в работе с самодеятельностью пригодился «Красному факелу», когда театр решил создать в районном центре Мошкове свой «Спутник».

— По сути дела, в Мошкове открывали самодеятельный филиал «Красного факела». Музыку, декорации, костюмы — все готовили в театре в порядке шефской помощи,— рассказывает Семен Семенович.— А репетировать приходилось иногда целыми неделями подряд...

— Репетировали действительно беспощадно!—смеется Анна Яковлевна.

— Так ведь спектакль-то серьезный ставили! И ставили тоже всерьез,— замечает Татьяна Михайловна Парменова, отлично сыгравшая роль Люси в спектакле мошковского «Спутника» «Люди, которых я видел» С. Смирнова.

Татьяна Михайловна и Николай Иванович Парменовы — оба загорелые, смуглые — приехали в Новосибирск по делам. Как не зайти к Иоаниди?! Навестили своего режиссера, заодно посоветовались о новой пьесе. Семен Семенович не торопит с выбором. Уже прочитано в Мошкове несколько пьес Островского — «Доходное место», «Лес», «Женитьба Бальзаминова». Но у артистов «Спутника» возникла мысль о советской классике.

— Хорошо бы «Платона Кречета» попробовать! А то «Любовь Яровую»,— размышляет Николай Иванович.

Любо-дорого глядеть на него. Плечистый, сильный человек, умудренный жизненным опытом, коммунист, директор совхоза, страстный театрал. Еще раньше он вместе с женой играл в драматических кружках. Теперь их обоих от театра не оторвешь: почувствовали крепкую режиссерскую руку!..

— У нас вообще нет равнодушных. Даже зрителей равнодушных нет, не то что актеров! — восклицает Николай Иванович.— Поэтому труппа теперь такая сложилась, что даже о постановке параллельных спектаклей думать можно!

— Не странно ли, что в Москве только поговорили о «Спутниках» да на том и успокоились? — задумчиво спрашивает Анна Яковлевна.— Нет, в Сибири не так. Здесь сказано — значит, сделано! Вот и идет искусство к людям цепной реакцией...

3. Ток есть — это главное

Покуда глаз хватает, уходит к горизонту Обское море.

День погожий, безветренный, и вся необозримая водная гладь колышется легкой серебряной зыбью. Тихая волна, некрупная и нечастая, мерно пошлепывает о бетонные берега. Зато рядом, там, где начинается плотина Новосибирской ГЭС, бешено ревет и гудит вода, мчащаяся в открытые створы. Напор так силен, что мельчайшие брызги вздымаются над плотиной густыми облаками. В них играет яркая радуга.

Невдалеке от плотины недвижно застыли огромные сосны. Молча стоим мы здесь с Иваном Матвеевичем Гуляевым. Коренной сибиряк, он тоже словно впервые смотрит вокруг.

— Вот такая тайга здесь и была,— говорит Гуляев.— До сих пор кажется чудом. Сделали его люди и ушли, а море останется навсегда. И ток есть — вот ведь что главное!

...Дорога в Ордынский район не ахти как хороша. Особенно после долгих дождей. Но близость Обского моря, мелькающего сквозь прибрежные леса и рощи, скрашивает часы долгой тряски по ухабам. Возле самой Ордынки мальчишки азартно ловят в заводи огромных щук. Мы, не скрывая зависти, любуемся уловом, а ребята неожиданно спрашивают Гуляева:

— К нам на репетицию едете?

Иван Матвеевич серьезно, без удивления кивает знакомцам.

Репетиция начинается ровно в семь. В детской музыкальной школе аккуратно разложены на пюпитрах ноты. Домбристы, балалаечники, баянисты — Ордынский самодеятельный коллектив, «Спутник» Новосибирского оркестра народных инструментов,— встречают Ивана Матвеевича радостно: соскучились!

— Небось, все уж забыли? — строго вопрошает он.— Ну-ка, повторим «Казачка»!

Иван Матвеевич взмахивает палочкой.

Тихо-тихо журчит зачин лукавым приглашением к танцу. Потом приглашение повторяется чуть настойчивее и призывней. А затем уж возникает и мелодия самого танца. Вот солидно, медлительно, грузно вступили в пляс лихо бухающие, тяжело топающие басы. Взорвалась кокетливым треньканьем, насмешливым девчоночьим хохотом, пошла кружить на цыпочках задорная балалайка. И вдруг все слилось, закружилось в пестром и быстром, веселом звуковом хороводе...

— Не тремолируйте! — свирепо морщится Иван Матвеевич.— Раз и два! Раз и два... Контрабас, ваша партия: ре, ре, соль, соль... По два удара на каждую ноту. Веселей! Еще веселей!..

«Казачок» звенит и стремительно льется, подобно потоку Обской плотины, сверкая радугой вдохновения. Оно охватило всех. Всем неудержимо хочется танцевать. Все улыбаются и притопывают в такт музыке.

— Отвратительно играете! — отчаянно и счастливо кричит Иван Матвеевич. Пот с него катит градом; дирижируя, он сбрасывает пиджак, потом развязывает галстук и, направляя в русло нарастающую лавину звуков, все ворчит, ужасается, хватается за голову... А оркестр разливается, как море, все шире, все безбрежнее. И ответное счастливое сияние появляется на всех лицах.

— Оркестр — это сила! — говорит Ваня Амплеев, комсомолец, товаровед РТС.— Невольно какое-то товарищеское чувство возникает ко всем, кто вместе с тобою такую красоту творит. Хорошо становится, в общем, человеку...

— Прямо сердце замирает, до чего хорошо! — категорически уточняет лаборантка больницы Лидия Васильевна Чебровская. За три часа репетиции она уже набила мозоли на пальцах струнами своей балалайки-секунды. Пальцы болят, но Чебровская все равно довольна.— Оркестр наш — великое дело,— продолжает она.— И артистом себя чувствуешь, пусть совсем еще маленьким, и обще-

ственным человеком. Вот скажите мне: учись одна, даже на любом инструменте играй одна,— так я не захотела бы! Ни за что. А привычка к занятиям есть: вечернюю десятилетку недавно окончила и заочно в медицинский поступаю...

— Все мы в свой оркестр без памяти влюблены,— признается разнорабочая совхоза Галина Кривоносова.— За три километра хожу сюда на репетиции. Обратно иду, чувствую: все во мне так и поет! Жить не могу теперь без музыки...

— За год какие успехи сделали! — откровенно ликует Александра Дмитриевна Панова, инструктор Дома культуры.— До чего же все стараются!.. И не удивительно. Зимой Иван Матвеевич сколько раз к нам через трехметровые сугробы пробивался. А люди у нас ценят внимание: к ним с душой, так они вдвое!..

Вот это и есть «ток»...

4. Обогащение прекрасным

Понедельник — почти у всех театров в Новосибирске выходной день. Однако Семен Владимирович Зельманов — директор театра оперы и балета — с самого утра на работе: коллектив готовится к гастрольной поездке в Москву.

Но даже в это горячее время, когда у всех столько забот, хлопот и волнений, театр не прекращает работу со своими «Спутниками».

В совсем еще новом, огромном — больше Большого! — здании театра, радующем общей строгостью и благородством очертаний, внушительным порталом с массивной колоннадой, царит особенная, гулкая тишина. Потом она постепенно разбивается: хлопают двери, звучат шаги, голоса, смех. Заполняются репетиционные комнаты и залы. В одну из них мы входим с Семеном Владимировичем, ступая осторожно, чтобы не помешать. Академический самодеятельный хор — «Спутник» оперного профессионального коллектива — уже начал заниматься с Евгением Павловичем Горбенко, хормейстером театра.

Под сводами театра звучит одно многоголосое «А-а-а», окрашенное множеством живых и глубоких оттенков. На скрипичную высоту взлетают чистые, прозрачные сопрано; где-то рядом, словно помогая, дружно следуют меццо, и всех вместе снизу поддерживают альты. Великолепно, сильно гремят мужские голоса и, как бы угасая, стихают, снимая звук на бережной, задушевной ноте.

Прекрасные голоса подобрались в «Спутнике»! Впрочем, и Горбенко было из чего выбирать. От желающих петь в театре, как говорится, отбою не знали!

Ради чего же пришли в «Спутник» год тому назад люди самых различных профессий? С затаенной мечтой стать вокалистами?

— Зачем же? — отвечает вопросом на вопрос инженер Анатолий Георгиевич Суслов.— Мы просто очень любим искусство. Все в «Спутнике» всерьез увлечены музыкой. Многие учатся на музыкальном факультете в университете культуры. Но у каждого из нас есть и другие пристрастия... Я, например, к фотолюбительству неравнодушен. Да еще туризмом занимаюсь. А вот мой друг Иван Макарович — знаменитый штангист. И как же хорошо поет!..

Заводской рабочий Иван Макарович Ковков — опытный и умелый фрезеровщик. Кудрявый, белокурый, голубоглазый, он словно вышел из сказов Бажова. Когда-то главным увлечением Ивана Макаровича была народная песня. Теперь ему хочется поглубже разобраться в самой природе вокального искусства, истории и теории музыки.

Совсем еще юный Федя Бугаев, комсомолец, работник бюро цехового контроля, неожиданно оказался обладателем мощного, красивого баса.

— Мечтаете о сцене? — спросила я и Федю.

— На сцене мы уже не раз выступали. С концертами,— спокойно ответил Федя.— Скоро будем петь в спектакле наших шефов. Финальный хор «Ивана Сусанина».

— Не одна же сцена дает людям радость,— добавляет Суслов.— Творчество делает нас богаче.

...Обогащение прекрасным! Сокровенная суть этого незримого процесса еще и в том, что он имеет обоюдную силу действия. Обогащаются и подшефные и сами шефы. Живое подтверждение тому—Герман Янсон, один из наиболее одаренных солистов балетной труппы.

Только ли неизменный успех на сцене профессионального Новосибирского театра, только ли хорошая, удобная квартира сделали его, коренного ленинградца, убежденным сибиряком? Нет, конечно!.. Кстати, в Ленинград Янсона зовут обратно. А Герман отвечает отказом. Потому, что полюбил Сибирь, ее людей. Узнал же он их лучше, ближе, теплее в «Спутнике», балетной самодеятельной студии, созданной театром.

Этот «Спутник» занимается во Дворце культуры имени Горького. Обычно Герман Петрович мчится туда на мотороллере, развивая бешеную скорость. На этот раз мы с ним поехали на машине и, ясное дело, запоздали на несколько минут. Все студийцы уже делали разминку у станка в просторной, светлой комнате с зеркальными стенами.

Янсон по-товарищески, дружелюбно приветствует своих «учеников»: они немногим моложе учителя, который руководит комсомольской организацией театра.

— Готовы! — все так же мягко, добродушно констатирует Янсон.— Сразу же и начнем. Пор де бра на полупальцах в пятой позиции, затем на плие в сторону, на плие назад, семь батман... Поняли?

К моему великому удивлению, все отвечают утвердительно.

Под аккомпанемент пианино начинается музыка движений. Да, это уже не ритмическая гимнастика, это близко музыке. Пируэты и прыжки свободны, выразительны, исполнены настроения. Даже в застывшей позе полны грации многие танцующие пары.

О чем они думают в это время? Я гляжу на скромную, сосредоточенную, молчаливую Галю Колесникову — худенькую телефонистку с мечтательными глазами; сантехника Колю Макарова, рыжего и светлобровового, удивительно изящного, точного в танце; Валентина Шепилова, будущего архитектора, студента инженерно-строительного института...

Видно, что и в них «все поет» и в Янсоне — тоже. Может быть, у него именно здесь рождается та душевная приподнятость, та искренность и простота, которые все больше и больше покоряют зрителей, когда Янсон сам танцует на сцене?

Я спросила об этом у Германа Петровича. Он улыбнулся своей хорошей, мягкой улыбкой и ответил, подумав:

— Вероятно, так оно и есть. Нигде еще не чувствовал я себя так, как в Новосибирске, просторно и интересно. И «Спутник» в моей жизни впервые появился только здесь...

5. «Спутникам» — свои «Спутники»

Сколько учреждений искусств в Новосибирске, столько и «Спутников». Когда-нибудь о них напишут книгу. А может быть, напишут книги о шефах и участниках каждого «Спутника», ибо они того заслуживают.

Самая прекрасная их черта — полное отсутствие «ячества», постоянная готовность к служению людям.

В замечательной самодеятельной капелле — это «Спутник» новосибирской консерватории и филармонии сразу — поет рабочий-прессовщик Леонид Павлов. Он начал дополнительно заниматься на музыкальных курсах по классу баяна, чтобы стать хормейстером певческого самодеятельного коллектива на своем заводе.

Наш знакомец — фрезеровщик Иван Макарович Ковков с той же целью досконально изучает нотную грамоту у Евгения Павловича Горбенко.

Татьяна Михайловна Парменова задумала создать в совхозном клубе драматический кружок — «Спутник» мошковского «Спутника»...

— Горячее у меня желание другим передать, до чего же хороша раздольная сибирская народная песня! — говорит комсомолка Нина Соловова, русокосая, глазастая. Она поет в самом многочисленном — сплошь девичьем — «Спутнике», над которым шефствует хор Сибирской песни. Руководит хором Валентин Сергеевич Левашов — неутомимый собиратель песен, старинных и нынешних. Песни эти пользуются у слушателей невиданным успехом.

— А мне они особенно нравятся: в новинку! Я ведь сама рязанская,— рассказывает Нина.— Дома после десятилетки на хлебозаводе работала. И так мне захотелось посмотреть, какова это сибирская земля! Подбила подружек, и отправились мы строить Новосибирск. Бригада наша получила звание коммунистической. Живем и работаем по-новому, все учатся. Осенью и я поступаю в строительный, а бросать «Спутник» не собираюсь. Наоборот, с подружками заниматься пением буду.

...Кое-где за рубежом «Спутниками» окрестили — в погоне за сенсацией — новые сорта мыла, папирос... Были даже фасоны платьев, довольно уродливых и нелепых, получившие подобное название.

У нас словами зря не бросаются. «Спутник» — значит что-то очень высокое, гордое, стремительное. «Спутник» — значит неразрывная связь с тем, что его породило. «Спутник» — значит доселе небывалый, невиданный взлет культуры народа...

Почти все новосибирские «Спутники» существуют около года. Начинание одного коллектива сразу же подхватывалось другим, третьим... Из города «Спутники» перелетали в районные центры, на село... Весной, в ленинские дни, на праздничных концертах все профессиональные выступления проходили при участии «Спутников». В программе большого заключительного концерта самое слово «Спутник» повторялось чуть ли не в каждой строке. И даже сейчас эта программа, сохранившаяся в обкоме партии, вызывает волнение. Как-то уж очень хорошо, глубоко и точно отвечает она заветным ленинским мыслям о народности искусства.

Возникают все новые и новые «Спутники» в Новосибирске.

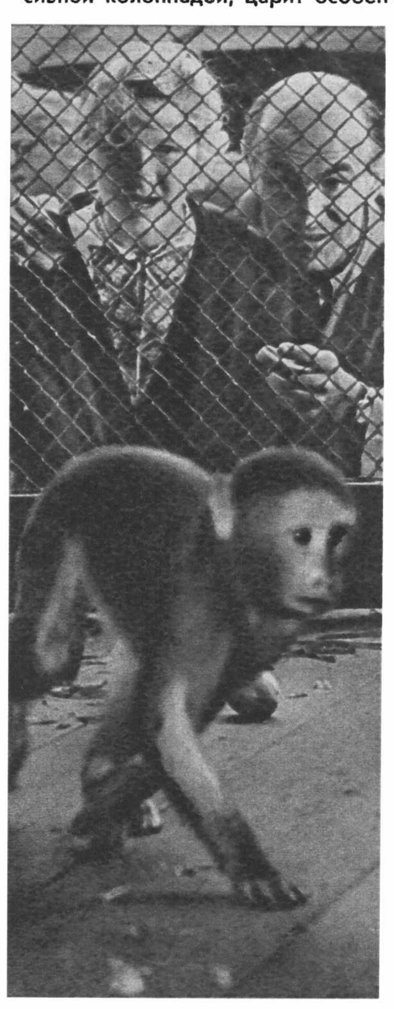
Студия кинохроники налаживает работу своего «Спутника», объединяя кинолюбителей в дальнем Чистоозерном районе. Огромный по размерам «Спутник» создает Союз композиторов в трудовых резервах. «Спутник» областного драматического театра, действующий в Коченевском районе, думает об организации собственного «Спутника»...

Таковы немногие, «выборочные» факты. За ними сама жизнь, великолепная в своей светлой коммунистической сущности.

В Новосибирском обкоме и райкомах партии меня обязательно спрашивали:

— Познакомились с нашими «Спутниками»? Понравились вам они? Мы тут считаем их важной приметой времени: сама душа человека перестраивается на новый лад...

И это правда.

Занятие Владимира Валентиновича Кузьмина с Лидой Злобиной проходит нынче в Новосибирском зоопарке.

В. Е. Цигаль. Из серии «Дагестан». УРОКИ. **Художественная выставка «Советская Россия»**

ПЛОЩАДЬ СЕЛА БАЛХАР.

ДОМ ПАСТУХА.

ВЕРТОЛЕТ И ЦАПКА

Окончание. Начало см. стр. 4 и 5.

Рассказывают, когда Мария Александровна получила Героя первый раз, она была в Сочи: ее чуть ли не по настоянию райкома партии отправили туда лечить радикулит. Ей готовилась торжественная встреча: она была первым Героем-виноградарем в Крыму, да и вообще тогда впервые стали присваивать людям труда звание Героя. На автобазу в Феодосию была дана команда: как только Брынцева появится, немедленно звонить в совхоз. Мария Александровна упросила начальника автобазы не делать этого, но не поверила, что он не позвонит, и, не доезжая совхоза, остановила автобус, на котором ехала, и ушла к себе на виноградник...

Теперь у Марии Александровны две Звезды, три ордена Ленина, медали.

Как-то она была на приеме у К. Е. Ворошилова, по депутатским делам, выполняла наказы избирателей. Говорят, Климент Ефремович, увидя ее, сказал:

— Такая маленькая, и столько наград, у меня столько нет!

3

Над шоссе пронесся вертолет и встал в небе над черепичными крышами, над голубыми домиками (здесь, должно быть, хозяйки перекладывают синьки, беля стены). Постоял в небе и опустился там, где стоял, где торчали трубы винного завода.

— Стрекозел прилетел! — кричали мальчишки.

И еще из-за горы показались три вертолета и один за другим опустились у винзавода.

— Завтра будут опрыскивать виноградники, — сказала Мария Александровна.— Теперь что: прилетел, улетел, и всех тут делов.

Мы шли по шоссе, возвращались в поселок. Вернее, она бежала, а я поспевала за ней. Она всегда бежит и все делает на бегу, словно ее раз и навсегда завели. В вязаной синей кофте, в белом платочке, маленькая, сухонькая, чуть искривленная радикулитом, который вечно ее мучает. И в руках у нее цапка.

Вертолет и цапка. Лискер и реактивный двигатель. Это пока еще сегодня. Завтра так не будет. Не все сразу уходит, не все сразу меняется.

— Теперь что,— говорила Мария Александровна,— теперь техника! Подсчитывали недавно: у нас в совхозе ручного труда только процентов, поди, тридцать — сорок осталòсь! Не боле! А так все машина.

Тридцать — сорок процентов! Непроизводительного, тяжелого труда. Это так в этом совхозе, а в других куда больше! Он, этот процент, начисляется за счет старых виноградников, где не пройдет машина, за счет малого количества машин и несовершенного их качества, за счет горных плантажей, куда машине не взобраться — сил у нее не хватает!

Мария Александровна бежала впереди, цапая на ходу воздух своей цапкой. Энергичная, быстрая, не поддающаяся старости. Сколько их—этих великих и вдохновенных тружениц — живет на нашей земле! Они кормили нас в годы войны, кормили в годы послевоенной разрухи... А теперь разве их еще мало? Разве все уже сделано, чтобы освободить их от тяжелого труда? Разве нельзя поторопиться конструкторам, изобретателям, заводам, которые выпускают машины, институту «Магарач», который разрабатывает новые конструкции машин?

— Ах,— сказала Мария Александровна, останавливаясь и вынимая из кармана кофты смятую книжицу,— совсем забыла, цельный день таскаю. Тут рисунки есть и все рассказано: что штамбом называется, что рукавом, и про обрезку тут все написано.

Я поблагодарила и взяла книжку.

Брынцевы у своего дома.

— А у вас, оказывается, есть два научных труда,— сказала я ей.

Она глянула на меня через плечо и продолжала быстро идти дальше.

— Это в брошюре сказано,—пояснила я.

— Тут один меня все допытывал,— говорила она, не поворачиваясь в мою сторону,— из Симферополя он был, что ли, или из Москвы. Уж очень ему хотелось, чтоб я с партизанами связь имела. Я ему объясняю: не была я с ними связана. А он опять свое: «Может, эпизод какой припомните? А вот вы, мол, продуктами партизан снабжали!» Это ему Сашка, старшой мой, натрепал. Был такой случай — к свекрови моей партизан спустился. Сашка прибежал — ему всюду нос совать надо было,— говорит: мам, они там, в горах, голодают, поесть просят! Ну, я и отдала, что дома былò. А что там быть могло?.. Сами потом три дня не евши сидели... Или еще про мужа допытывал: был партизаном или не был? А откуда я знать могу? Может, не успел он мне рассказать, может, не велели ему. У меня-то шестеро на руках — один другого меньше... Я понимаю, он хотел, чтобы биография у меня поскладнее получилась. Да только мне лишнего не надо, я на людях всю жизнь прожила...

Мария Александровна опять остановилась посреди дороги и, туго подвязав косынку под подбородком, строго на меня посмотрела.

— Мне ведь и школы окончить не довелось. Я уже с десяти лет батрачила...

4

В сумерки мы снова лепили вареники. Алексей подоил корову, принес ведро, набитое густой желтой пеной. Толя мыл «Победу»: Мария Александровна собиралась в воскресенье ехать в Феодосию на базар за картошкой. Володя возился с мотоциклом. Сергей мыл пол в хате. И хотя парни были все в тех же тельняшках, я их больше не путала, они были совсем непохожие (в одном разве только сходились — ничего не рассказывали о матери: видно, им был дан строгий наказ).

А когда стемнело, все разошлись. Начищенные, наглаженные, разодетые. И во дворе стало пусто и тихо. Только Сергей бродил: мать его не отпускала. Она как приехала из Москвы, у нее все не было времени ответить на письма избирателей. Я предложила, что могу за Сергея написать письма под диктовку.

— Неудобно это будет,— возразила она.— Не имею права я никому письма показывать. Мне их пишут, депутату. Вы уж на меня не обижайтесь. Если вам что надо, на словах могу сказать. Раньше все больше насчет квартирного вопроса писали. А теперь вроде как этот вопрос ликвидируется: сколько за это время понастроить успели! Теперь все больше по личному вопросу или так о чем...

Сергей ушел поздно. Мария Александровна, свалив на стол охапку стираного белья, положила рядом ножницы, нитки и села со мной на терраске.

— Вот так каждый вечер разбегутся кто куда... Я, считайте, на них и на виноград всю свою жизнь положила! За кем уж я больше ходила — за сынами или за ним? Поди, за виноградом-то все-таки больше. Про меня даже писали, что такая я, мол, сознательная, такая сознательная — без винограда и лишнего дня прожить не могу: из Сочи раньше срока удрала... А ведь если бы я до срока дожила, потом еще бы пять дён жить пришлось — ждать парохода на Феодосию... А за эти дни платить надо было лишнее, а у меня дырок в доме хватает!

Она взяла иголку и, далеко отставив ее от себя, стала тыкать ниткой в ушко.

— Вы что, будете все списывать, как в брошюрах? Или посвоему оформлять?—спросила она, словно невзначай.

— По-своему...

За окном раздались звуки гармоники. Кто-то шел наверху по дороге и играл в темноте. Мария Александровна прислушалась.

Потеряла я колечко,
Потеряла я любовь...

Робко, чуть дребезжащим голосом подтянула она и осеклась на полуслове.

— Любила я эту песню, больше всех любила. И голос когда-то был. Мы с мужем, бывало, в два голоса пели... И как это все в жизни уходит, как вода скрозь решето...

Она прикрыла глаза и положила на стол тяжелые руки.

Не знаю, какой изобразит ее скульптор. Скоро в селе, в скверике, где хрустят под ногами ракушки, привезенные с моря, будет поставлен ее скульптурный портрет. Так положено дважды Герою Социалистического Труда.

Я бы изобразила ее, не разглаживая морщин, не выпрямляя пальцев, натруженных долгой, тяжелой работой. Такая, как есть!..

Щебетовка.

Дагестанская сюита

Художник Виктор Цигаль объездил чуть ли не весь Советский Союз. Он путешествовал по Крайнему Северу и высокогорному Алтаю, создал немало графических работ о тружениках Кубани, Крыма, Армении. Большую серию станковых цветных листов В. Цигаль посвятил Дагестану, где побывал дважды: в 1957 и 1958 годах. Часть этих листов экспонировалась на выставке «Советская Россия».

Картины жизни народа, сохранившего своеобразные обычаи, быт, уклад, красота величественной природы захватили воображение художника. В каждой сценке, которую он наблюдал в переулке, на дороге, у очага сакли, ему представлялись сюжеты его будущих картин; в каждом пастухе, величаво опирающемся на посох, в каждой женщине, баюкающей ребенка или расписывающей чудесные балхарские кувшины, он видел героев и героинь своих работ.

Художник вставал до света — в четыре часа утра — и рисовал до захода солнца. Но и вечером при свете керосиновой лампы он еще ухитрялся делать наброски в своем альбоме. Он не хотел, чтобы увиденное днем забылось, затерялось в памяти.

В мастерской В. Цигаля хранятся две громадные папки с карандашными дагестанскими зарисовками и множество эскизов, сделанных в масле.

В творчестве В. Цигаля дагестанская серия открывает новый этап, говорит о новом подходе художника к творческому решению проблем современности. Почти все работы этой серии отличаются лаконичным, выразительным рисунком, приглушенными, сдержанными тонами. За повседневностью изображенных сцен чувствуется большая, поэтически осмысленная действительность.

Двадцать цветных листов посвятил жизни Дагестана В. Цигаль, но работу свою он не считает завершенной. На стенах его мастерской — наброски и варианты новых работ. А в его планах — новое путешествие по местам, где в горных аулах обрел он многочисленных друзей — горцев.

Генрих БОРОВИК,
специальный корреспондент
«Огонька»

Город под колоколом

Тринидад — маленький город. Если подняться на узкую колокольню его старинного собора, то весь городок уместится в двух кадрах фотопленки. В самом центре, как в каждом уважающем себя кубинском городе,— четырехугольная площадь, которая носит название Сентрал-парк, независимо от того, есть на ней парк, сквер, сад или нет. В самом сердце площади беседка-глориетта. По вечерам в Сентрал-парке собираются все, кто может выходить из дому, а в глориетте по праздникам играет оркестр городской пожарной команды.

Сентрал-парк Тринидада — это всего пять-шесть тощих, пропыленных и от этого совсем белых деревцев. Но зато множество скамеек под фонарями. Фонари вечером горят грустным, желтым светом, и под ними сидят негритянские мальчишки — чистильщики сапог. От желтого света их черные лица становятся фиолетовыми, как и штиблеты местных щеголей. Тут же на площади несколько кафе, где можно выпить кофе и съесть кусочек сыра, намазанного помидорным вареньем.

От площади Сентрал-парка расходятся под прямым углом четыре мощенные булыжником улицы, которые потом разветвляются на десятки улочек, переулков и тупичков. Окрестные пастухи не очень любят приезжать в Тринидад: на булыжнике лошади вмиг сбивают копыта.

Но все-таки цоканья копыт на улицах Тринидада куда больше, чем шуршания шин. На зависть мальчишкам пронесется отчаянный пастух галопом по узенькой улице — поля шляпы задевают стены домов, на седле лассо, усы чернее пистолета, мачете бьет по ноге — залают собаки, мелькнут в зарешеченных окнах черные, горячие глаза, и долго еще оседает пыль на знаменитые тринидадские глиняные горшки и кувшины, выставленные для продажи на тротуары. А продавцам на весь день разговоров: кто поскакал, куда поскакал, по какой причине поскакал и поскачет ли назад. А если поскачет, так не худо бы убрать с тротуара свой товар, потому что пастухи — народ дикий и ценности его не понимают.

После того, как правительство приняло закон об аграрной реформе, пастухи чаще всего скачут к зданию местного отделения ИНРА — Национального института аграрной реформы — обсуждать свои крестьянские дела...

Окончание. См. «Огонек» №№ 27, 28, 29.

Тихий город Тринидад, благочестивый. Построили его еще испанцы, и горожане очень гордятся, что город их — один из самых первых на побережье Кубы. Тринидадцы — католики, и колокол старинного собора исправно извещает паству о службе. Колокол звонит властно, и чувствуется, как всей своей бронзовой тяжестью он давит на крашенные желтой охрой домишки с внушительными фигурными решетками на узких окнах и маленькими балкончиками в староиспанском стиле. И кажется, городок без остатка растворяется в густом и могущественном колокольном звоне.

Но именно в этом тихом городке я узнал вторую часть истории, начало которой описано в предыдущей главе. Эта история прибавила тринидадцам славы людей выдержанных, находчивых, не лишенных артистического дарования и чувства юмора.

С первых чисел августа прошлого года в патриархальном городке стало твориться нечто странное. Там собралось довольно много офицеров революционной армии. Офицеры ходили по городу, из дома в дом и конфиденциально сообщали удивительные вещи. «Имейте в виду,— говорили они растерянным горожанам,— приблизительно девятого августа ваш славный город будет захвачен контрреволюционными силами, причем правительственные войска Фиделя, вполне возможно, будут пытаться отбить город. Поэтому на окраинах его начнутся сильные бои. Вам нужно вести себя, как в осажденном городе: поменьше показываться на улицах, по вечерам не зажигать света. Запаситесь необходимыми продуктами, потому что дня три магазины и лавки будут закрыты... А потом снова все будет как прежде...»

Офицеры обещали сообщить подробности позже...

Никогда за всю свою историю один из самых старинных городов Кубы не жил более романтической и таинственной жизнью.

Город был отрезан от внешнего мира — на всех дорогах, дорожках и тропках, ведущих в Тринидад, стояли армейские посты: в Тринидад мог проехать всякий, из Тринидада — никто. Телефонная и телеграфная связь была прервана.

Накануне «захвата» города «силами контрреволюции» на улицах Тринидада появилась небольшая автомашина с громкоговорителем на крыше. В кабине сидел плечистый бородатый майор революционной армии и говорил уж совершенно невероятные вещи:

— Надо подготовить плакаты с надписью «Да здравствует Трухильо!». Если в городе появятся иностранцы, встречайте их доброжелательно и время от времени хором кричите: «Долой Фиделя! Да здравствует наш освободитель, генералиссимус Трухильо!»

Тринидадцы не верили своим ушам. И если бы в майоре они не узнали самого Фиделя Кастро, то несдобровать бы человеку, дававшему им такие советы. Но, во-первых, это был действительно Фидель, и, во-вторых, он объяснил наконец, правда в общих чертах, смысл грандиозного спектакля, участником которого должен был стать весь город.

Ночью 8 августа из Тринидада в эфир понеслись зашифрованные позывные: «три-хота-ка, три-хота-ка... три-хота-ка... Япония Кито, Япония Кито... вызывает два-хота-четыре-эс-эн, два-хота-четыре-эс-эн... Сантьяго, Никарагуа, Сантьяго, Никарагуа...»

Начальник разведки доминиканского диктатора Трухильо Джонни Абес принял сообщение, что бой за Тринидад идет успешно, согласно плану. Требуются боеприпасы.

В девять вечера рация Трухильо сообщила: «В десять часов придет грузовик со всем необходимым. Уверены, что шофер доедет благополучно».

Опоздав на два часа, «грузовик» прилетел и, покружив над местом боя, сбросил 25 ящиков с боеприпасами в район расположения «мятежников»...

На другой день Трухильо узнал, что Тринидад в руках «контрреволюционеров». Довольный генералиссимус приказал Джонни Абесу сообщить в Тринидад, что вечером туда прибудет еще один «грузовик» с оружием и с его личным эмиссаром...

«Захваченный контрреволюцией», Тринидад проводил последнюю генеральную репетицию перед приемом «гостей». По улицам слонялись группы людей с антифиделистскими лозунгами, женщины срочно шили из старых, рваных тряпок белые розы — символ власти Трухильо.

Один из «мятежных командиров», Менойо, передал по радио в Санто-Доминго просьбу — прислать ему треуголку и мундир, как у Трухильо, чтобы именно в таком наряде войти в Гавану.

Мрачный голос Джонни Абеса ответил через некоторое время, что генералиссимус оценил патриотические чувства Менойо и просит сообщить по радио мерку, чтобы личный портной Трухильо смог выполнить просьбу славного командира.

К вечеру солдаты и офицеры «контрреволюции» собрались около посадочной площадки аэродрома. Часть из них была переодета в крестьянскую одежду, чтобы создать впечатление у личного эмиссара доминиканского диктатора, будто «западное антикоммунистическое движение» поддерживается крестьянами.

Среди «крестьян» был и Фидель.

Когда совсем стемнело, в небе показался самолет. Он сделал несколько кругов над городом, как бы удостоверяясь, все ли в порядке, и плавно пошел вниз.

Под лучами ручных фонариков открылась дверь самолета, и в ее черной пасти показался высокий человек в сутане. Это был падре Веласко.

Сверху он внимательно оглядел аэродром и, не заметив ничего подозрительного, осенил «паству» крестным знамением.

— Вива Трухильо! Абахо[1] Фидель! — с веселым энтузиазмом прокричала «паства».

Отец Веласко ловко спрыгнул на землю, подобрав полы сутаны, и обнял Менойо и Моргана.

Вдали послышались частые выстрелы: две роты солдат, посланные заранее на окраину города, старательно палили по деревьям.

Веласко насторожился.

— Фиделисты пытаются начать контрнаступление. Но им это не удастся,— объяснил Менойо.— Впрочем, уверенным можно быть только, если будет достаточно оружия,— добавил он.

— Оружия! Оружия! — раздались требовательные крики толпы.

— Не беспокойтесь, все будет, я кое-что привез с собой,— сказал Веласко и, обращаясь ко всем, добавил громко: — У вас будет оружие, сыновья мои. В изобилии. Мы построим воздушный мост между Санто-Доминго и вами.

— Вива Трухильо! — раздалось в ответ.

В это время из самолета быстро выгрузили десяток новеньких базук, пять переносных радиостанций, ящики с патронами пятидесятого калибра, три тысячи пистолетов, запасное радиооборудование.

К священнику подошел капитан Лоренсо, славившийся среди повстанцев не только выдающейся храбростью, но и не менее выдающейся шевелюрой.

— Я хотел бы передать генералиссимусу Трухильо прядь моих волос,— смущенно произносит он,— чтобы он знал, как мы верны своему делу.

Священник растроган. Он достает из-под рясы небольшой нож, ловко отрезает прядь от шевелюры Лоренсо и бережно прячет ее на груди.

— Я передам этот драгоценный подарок лично генералиссимусу,— произносит он торжественно и снимает с пояса кольт сорок пятого калибра.— А это тебе, сын мой, благословенное оружие. И пусть оно не знает промаха и осечки в твоей руке...

Лоренсо деловито осматривает кольт и, оставшись доволен, искренне благодарит за подарок.

Капитан Кико Пернос отводит священника чуть в сторону и говорит:

— Падре, я не крещеный... Цель моей жизни — просить генералиссимуса крестить меня, как только мы добьемся победы.

[1] Долой.

КАК ЭТО БЫЛО НА

Менойо с опаской следит, не переигрывает ли Кико. Как бы не заподозрил падре что-нибудь неладное.

Но нет, священник с ножом и кольтом торжественно обещает Кико Перносу, что Трухильо лично вернет его в лоно католической церкви...

Наконец оружие выгружено. Веласко сообщает Менойо и Моргану, что завтра, приблизительно в это время, сюда прибудет еще один самолет с оружием и несколькими офицерами, которые «вольются в славное антикоммунистическое движение».

Падре ловко забирается в самолет и оттуда снова посылает «пастве» крестное знамение.

— Вива Трухильо! Абахо Фидель! — несется в ответ.

Фидель Кастро, пряча улыбку, старательно кричит эти слова вместе со всеми.

Самолет отрывается от земли и, провожаемый общим громогласным хохотом, берет курс на Санто-Доминго...

...В четверг вечером на аэродроме в Тринидаде приземлился еще один самолет.

В нем было пять офицеров — «специалистов по разным видам вооружения», экипаж из трех человек и оружие.

— Вива Трухильо! Абахо Фидель! — привычно прокричала толпа на аэродроме.

Вчерашняя комедия повторялась. Но финал должен был быть другим.

Снова стреляли за городом две роты солдат.

— Что это, контратака Фиделя? — спросил один из «специалистов», проявляя осведомленность в делах «мятежников».

— Да, они начали вчера, но мы их отбросили,— ответил Морган.

«Специалистов» повели в штаб. Там все произошло быстро и тихо.

Посреди разговора в комнату вошел один из «контрреволюционеров» и, обращаясь к пятерым вооруженным «гостям», спросил:

— Кто среди вас специалист по базукам?

— Я,— ответил один и сделал два шага вперед.

— Вы арестованы.

— Почему я? — растерянно возопил базутчик.

— Все остальные тоже! — успокоил его Менойо.

Пятеро подняли руки. А через минуту в комнату вошел Фидель...

Экипаж самолета остался в машине, из которой солдаты «мятежников» выгружали оружие.

Когда в самолете собралось достаточное число солдат, офицер Ласро Артоле произнес условную фразу:

— Какие замечательные гранаты вы привезли нам, ребята!

Но здесь не удалось провести операцию тихо. Пилот успел выхватить оружие и начал отстреливаться. Через секунду он был убит...

Через несколько дней премьер-министр революционной Кубы Фи-

КУБЕ

Тринидад — город под колоколом?

дель Кастро привел пятерых «специалистов» на телевизионную студию в Гаване.

Перед всем миром был разоблачен подлый заговор против Кубинской республики, управлявшийся через диктатора Трухильо его хозяевами из США.

Это была первая крупная победа молодой кубинской контрразведки.

А еще через некоторое время стало известно, что доминиканский консул в Майами Аугусто Фернандо отозван из США. Расследование, которое вынуждены были провести американские власти в связи со скандалом в Тринидаде, показало причастность к делу «некоего ответственного чиновника государственного департамента США». Этот чиновник, имя которого американская пресса не называет, был приговорен... условно к пяти годам тюремного заключения.

После рассказа, услышанного в Тринидаде, я снова проехал по улицам старинного городка, вспугивая куриные табуны, мирно бродящие по мостовым.

У здания ИНРА толпились крестьяне, обсуждая свои кооперативные дела; по обочинам улиц, как всегда, сидели продавцы гончарных изделий; в Сентрал-парке мальчишка-негр, приветливо кивнув, надраил до ослепительного блеска мои штиблеты.

С колокольни старинной церкви раздался мерный звон.

Только теперь этот звон уже не казался мне таким могущественным.

«Там посмотрим...»

В одном из кооперативов провинции Лас-Вильяс, недалеко от Тринидада, поздно вечером я сидел в доме, где помещается народный магазин, и, примостившись у яркой керосиновой лампы, записывал ответы на свои вопросы. Отвечали мне крестьяне — бывшие батраки в латифундии. Эта латифундия была национализирована после победы революции, и в ней создан кооператив из батраков и бывших арендаторов.

Передо мной сидели люди, удивительно знакомые своей неторопливостью и основательностью в разговоре, лукавством и юмором в глазах, обветренной, потрескавшейся кожей на лице и точно такой же на руках, манерой почесывать затылок и сдвигать шляпу на лоб... В общем, обычные крестьяне, похожие на наших откуда-нибудь с Кубани, только лица посмуглей, глаза почерней, поля соломенных шляп пошире и загнуты пофасонистей, и вместо цигарки — здоровенная коричневая сигара во рту, одна затяжка сбивает непривычного человека с ног.

Разговор шел о кооперативе. Я узнал, что все члены кооператива получают сейчас авансом зарплату от ИНРА — два доллара за рабочий день. Когда кооператив соберет урожай, он продаст его ИНРА и надеется не только покрыть аванс, но и получить значительную прибыль.

— Значит, оплата идет по числу рабочих дней?

— Да, по числу.

— А характер работы учитывается?

— Что значит характер?

— Ну, ведь есть работа легче и есть тяжелей.

— Это верно, есть легче, а есть тяжелей.

— И оплата разная?

— Оплата одинаковая.

— Как же стимул?

— Какой стимул?

— Ну, многие захотят на легкую работу.

— Не захотят.

— Почему?

— А кто же будет делать тяжелую?

— Вот я и спрашиваю: кто?

— Мы же и будем. Ведь земля-то наша.

— Значит, стимула не требуется?

— Нет, стимула не требуется. Требуется работа. Все хотят работать. Уговаривать не нужно.

— Но со временем, наверное, придется как-то учитывать характер работы в оплате.

— Наверное, придется. Сейчас пока не нужно.

— А как насчет нерадивых? Ведь есть такие?

— Конечно, есть.

— Ну и как же?

— Что как же?

— Как вы с ними поступаете?

— А никак.

— Как никак?

— А чего с ними поступать?

— Но если плохо работают.

— Почему плохо работают?

— Ленивые-то!

— Так это они вообще, может, ленивые. А в кооперативе работают очень хорошо. Все хорошо работают. Как же можно?

— Значит, нет этой проблемы?

— Нет, этой проблемы нету.

— А если будет?

— Ну, тогда собрание накажет.

— Как накажет?

— Да уж как-нибудь накажет. Там посмотрим...

Я перехожу к другому вопросу.

— Сколько у вас членов кооператива?

— Двести десять семей.

— А работников сколько?

— Двести десять.

— Так, значит, работают одни мужчины?

— Одни мужчины.

— Если кто-нибудь захочет выйти из кооператива, как вы этот вопрос решать будете?

— Не знаем.

— Как не знаете?

— Не знаем, ни разу такого не было, чтобы уходили из кооператива. Невыгодно.

— Но может случиться?

— Наверное, может.

— Как же вы будете решать?

— Там посмотрим. Когда случится, тогда и будем решать.

Я обращаюсь к председателю — Карлосу Масола, высокому старику с длинной седой, не «сьерра-маэстровской», а обычной бородой.

— А сколько вы получаете за рабочий день?

— Нисколько.

— Как так?

— Вот так, нисколько.

— На что же вы живете?

— Двое сыновей. Помогают.

— Разве вам не полагается зарплата от ИНРА?

— Полагается.

— Почему же они не платят?

— Они платят.

— А говорите, не получаете?

— Не получаю. Я отказался.

— Почему?

— Кооператив новый. Я председатель. Я отвечаю за успех. Я, конечно, стараюсь все хорошо делать. Ну, а вдруг мы себя не оправдаем? Что тогда? Зачем же я государственные деньги получал? Неправильно было бы. Вот я и решил подождать: если дело хорошее выйдет, сразу все получу, за ними не пропадет. А если не смогу работу организовать как следует, зачем же мне получать?

— Но ведь другие получают?

— Все другие в поле работают. Их результат каждый день виден. А я в поле не работаю. Я только председатель. Мою работу только в конце года можно оценить будет. Вот тогда и посмотрим...

На Кубе сейчас более тысячи сельскохозяйственных и животноводческих кооперативов и создаются сотни и сотни кооперативов на базе производства сахарного тростника. Еще много нерешенного в этих кооперативах, многие вопросы неясны. Но кубинцы и не собираются решать сразу все. Возникнет вопрос — они его обсудят. Возникнет другой — тоже обсудят. А пока главное — работать. Работать каждый день, не за страх, а за совесть. И они работают — впервые на себя, впервые с увлечением. И нет никаких сомнений, что бородатому председателю в конце года не придется отказываться от справедливо причитающихся ему денег.

Визитная карточка

Я встретил Эваристо Колино в кафе «Три семерки» на припортовой уличке Амдогура в Гаване. Плотный, средних лет человек, сидевший за столиком напротив меня и тянувший из стакана «батидо» — коктейль из молока, протертых бананов, льда и сахара, посмотрел на меня близорукими глазами и спросил:

— Вы русский? С выставки?

— Русский, но не с выставки. Просто журналист.

— Журналист? Русский журналист?! — Мой визави невероятно оживился.— Это замечательно! Журналист! Мне понадобится ваша помощь! Общественное мнение!

Беспорядочно жестикулируя, он достал из кармана большие очки в роговой оправе, потом спрятал их и достал другие, в железной. Вытащил платок и шумно высморкался, вытер лысину. Снова сменил очки. Опрокинул на колени стакан с недопитым «батидо», выругался. Перетащил меня за другой стол, вытащил из портфеля лист бумаги, исчерченный какими-то линиями и цифрами, и, сделав широкий жест рукой, сказал:

— Взгляните!..

— Что это? — спросил я, несколько робея.

— Ах, да! — Он стукнул себя по лбу, вспомнив о чем-то, и полез в один из своих бесчисленных карманов и карманчиков. Он бережно вытащил оттуда целую пачку — штук эдак двести — визитных карточек, сорвал скреплявшую их бумажную ленту с адресом фирмы-изготовителя, осторожно, за края взял одну из них и, посмотрев на меня, торжественно протянул карточку мне.

— Вы первый,— произнес он и бережно спрятал остальные в карман.

На дешевенькой белой карточке было напечатано типографским способом:

Эваристо Колино. Электрификация всей Кубы. Проект «Сан Антонио», ул. Армас, № 467, тел. 9-30-58. Лоутон, Гавана.

Я снова вопросительно посмотрел на владельца двух очков и двухсот визитных карточек.

— Вот смотрите,— сказал он и, склонившись над исчерченным листом бумаги, принялся объяснять: — Это карта западного побережья Кубы. Вот Юкатанский пролив. На Кубе нет ни одной гидроэлектростанции. Только на нефти. Американские электростанции. Они продают нам электроэнергию втридорога. Без дешевой электроэнергии ничего не сделаешь. Ни индустриализации, ни новой Кубы, ничего. Что же делать? — Он выжидательно посмотрел на меня близорукими глазами и произнес, указав на карту: — Вот Гольфстрим! Понятно? Гольфстрим!

Мне пока еще ничего не было понятно, и я чувствовал себя несколько неловко.

— Смотрите! — Он указал на карту.— Считается, что Гольфстрим берет начало в Мексиканском заливе. Правильно? Но фактически он начинается в Карибском море и идет с юга на север. Ему мешает Куба. Точнее, ее юго-западное побережье, еще точнее, вот этот самый мыс Гуанакабибе. Гольфстрим давит силой течения на мыс и поднимает уровень воды в заливе Корриентес.

Причем это не зависит от прилива или отлива. Вы понимаете? А вся ширина мыса Гуанакабибе в самой узкой его части шесть километров. Шесть! Вам ясно? Нужно построить канал! — Он пересек мыс жирной карандашной чертой.— На нем электростанцию! И вся Куба будет целиком обеспечена электричеством навсегда. Дешевым электричеством! Ну?

Он сел на стул, вытер лоб носовым платком и, поменяв очки, торжествующе посмотрел на меня.

— Но нужны машины. Турбины всякие и так далее. Из Советского Союза. Можно и из Штатов. Но я им не верю. Они обязательно что-нибудь сделают не то. Не будут они для нас честно работать. Не будут.

— А ошибки здесь никакой не может быть? — осторожно спросил я, указывая на карту.

— Нет,— уверенно ответил автор проекта.— Никакой ошибки. Надо только регулировать уровень воды на канале. Я, конечно, не инженер-специалист, я простым техником был. Но долго работал в тех районах, и у меня эта мысль возникла несколько лет назад. Только я ею не занимался. Никому проект был не нужен, и никто бы меня не стал слушать. А после революции я вспомнил о своей идее. И специально поехал туда, и проверил все досконально, и перечитал сотни книг по гидротехнике. В общем, нет ошибки, не может быть...

— А вы с кем-нибудь говорили уже о проекте?

— Завтра... Завтра я иду в ИНРА и доложу обо всем. Я все оттягивал.— Эваристо смущенно улыбнулся.— У меня, понимаете ли, не было визитных карточек. Разные финансовые затруднения... Карточки стоят дорого. Но, в общем, я скопил... И сегодня утром получил две сотни.

Он снова вынул пачку визитных карточек из кармана и сказал торжественно:

— Вы первый, кому я вручил свою карточку. Правда, все, что там написано, только в будущем. Но это обязательно будет. А к вам у меня просьба... Ведь вы будете писать о Кубе? Так вот напишите об этом проекте, чтобы создать общественное мнение. Понимаете?

Я обещал главе пока еще не существующей организации «проект Сан Антонио» выполнить его просьбу. Я не знаю, чем кончился разговор Эваристо в ИНРА,— на другой день я уехал из Гаваны. Но я думаю, в любом случае о проекте и о его авторе стоило рассказать.

Фидель

Поздно ночью, накануне своего отъезда из Гаваны в Москву, я шел по ее улицам, широким и узким, богатым и бедным, всегда полным народа. Я прощался с городом — громким, веселым, сильным. На сей раз улицы его поражали безлюдностью. Это было необычно, удивительно, даже пугающе. Я старался понять причину. Но вот я зашел в кафе, где был включен радиоприемник, и мне все стало ясно. Шумные, веселые гаванцы тихо сидели за стойкой, повернув головы в одну сторону, и слушали. Даже бармен, который должен в этот час носиться как угорелый, разливая по рюмкам ром «бакарди» или коктейль «Куба либре», застыл недвижимо у репродуктора.

Говорил Фидель...

Я шел по улицам и видел сквозь окна в первых этажах силуэты людей в неверном, голубом свете телевизионных экранов, видел, как прохожие стучались в двери незнакомых домов и просились послушать.

Говорил Фидель...

Он говорил о положении в стране. Об успехах. О трудностях. Говорил о друзьях и о врагах. Говорил о бдительности. Говорил о необходимости как зеницу ока хранить революционное единство народа.

На свете есть разные ораторы. Есть златоусты, краснобаи, кокетливые, истеричные. Есть ораторы, каждое слово, каждый жест которых отрепетирован перед зеркалом, малейший подъем и спад тона выверен и отшлифован многолетним опытом.

Фидель — прекрасный оратор, но к нему не применим термин «ораторское искусство». В его речах нет ничего «сделанного», отрепетированного, искусственного. Он просто говорит то, что считает важным и нужным сказать народу. И в эти минуты он забывает обо всем: о времени, об усталости, о том, что голос его уже хрипит. Он говорит сердцем, душой; вот почему бурная, яркая, шумная ночная Гавана, вся Куба затихает, когда у микрофона — Фидель.

Искренность и увлеченность,— наверное, основные черты его характера. В нем есть незаурядный ум, смелость, находчивость, доброта, мужественность, решительность, но искренность и увлеченность — главное.

Мне посчастливилось в качестве журналиста сопровождать Анастаса Ивановича Микояна и Фиделя Кастро в их поездке по Кубе. Часть поездки проходила на вертолете, взятом с советской выставки. Это было очень удобно для пассажиров вертолета, и это было трагедией для журналистов. В вертолете находились Анастас Иванович Микоян, Фидель Кастро и несколько сопровождавших лиц. Журналисты же мчались внизу на машине, следя глазами, куда свернет вертолет, где он опустится. А опускался и сворачивал он в самых неожиданных и не предусмотренных программой местах.

Фидель сидел у окна вертолета, внимательно смотрел вниз, где проносилась кубинская земля, каждый квадратный километр которой он, казалось, знает наизусть, и вдруг говорил:

— Вот здесь мы организовали кооператив по выращиванию томатов. Давайте посмотрим.

Вертолет опускался, программа, составленная накануне, летела к черту, журналисты в автомобиле искали дорогу к томатному кооперативу, а Фидель, огромного роста, плечистый, с развевающейся бородой, с вечной сигарой в зубах, ходил метровыми шагами и показывал, показывал, показывал, забыв о программе, о времени, о жаре, об усталости...

Когда запыленная машина с журналистами прибывала на место, вертолет уже взлетал, и никто, даже Фидель, не мог твердо ответить, где опустится машина в следующий раз. Ему страстно хотелось, чтобы советский гость увидел хотя бы частицу того, что уже успело сделать революционное правительство, поддержанное народом, на Кубе. Ведь это — воплощение в жизнь тех планов, которые обдумывались долгими трудными ночами в Сьерра-Маэстре.

Я не видел Фиделя более взволнованным, чем в момент, когда самолет, в котором находился Анастас Иванович Микоян, пролетал над легендарной Сьеррой. Фидель и Анастас Иванович, оба прильнули к окну, и Фидель объяснял:

— Вот здесь шел бой, тяжелый бой, вон за ту деревушку... По этой дороге, вы видите, двигались на нас танки... а вон там, за той вершиной, был наш первый лагерь...

Встречают Фиделя везде как брата, старшего брата, хотя ему только тридцать два. Его хлопают по плечу, тянут для пожатия руку, просто и задушевно зовут «Фидель», обращаясь к нему на «ты».

Много можно сказать о человеке по его улыбке. Смеется он весь, изнутри, и глаза при этом смущенно-счастливые. Сидя, он склоняет большую голову на руки, сложенные на столе или спинке стула, и смеется словам собеседника, забывая обо всем, похожий на большого ребенка. Стоя, он запрокидывает голову назад, чуть набок, хватается рукой за конец бороды и тоже, смеясь, забывает обо всем.

Его рост — два метра. Его вес — сто килограммов. Он ходит в военной гимнастерке, заправленной в брюки защитного цвета. На ногах — огромные башмаки, зашнуровывающиеся до икр. Когда он, стоя, разговаривает, то переступает с ноги на ногу, чертя носком башмака замысловатые узоры на земле. Пробираясь сквозь толпу, он возвышается над всеми и виден издали. На нем погоны майора революционной армии. На плетеном матерчатом поясе постоянно висит вороненый кольт сорок пятого калибра и две запасных обоймы к нему.

Он великолепно стреляет: на расстоянии семидесяти пяти метров попадает в чайное блюдечко из своего «сорок пятого». Говорят, он спит всего пять-шесть часов в сутки. Но всегда свеж, бодр, жизнерадостен.

Кто-то из журналистов подсчитал, что средний возраст руководителей кубинской революции — 29 лет. Не знаю, насколько это верно, но настоящая революция всегда молода.

Фидель Кастро 1927 года рождения. Его брату Раулю, ныне командующему всеми вооруженными силами Кубы, 28 лет (недавно у Рауля Кастро и его жены, бывшей студентки из Сантьяго де Куба — Вильмы Эспин, родилась дочь, которую родители назвали Дебора — это было подпольное имя Вильмы Эспин). Бывший аргентинский врач Че Гевара — ныне директор кубинского национального банка — ненамного старше Фиделя. Есть руководители моложе Рауля Кастро. И таких много.

Но это вовсе не мешает им быть вполне созревшими революционными борцами, умными, расчетливыми государственными деятелями.

Че Гевара говорил однажды, характеризуя Фиделя Кастро и кубинскую революцию:

«Фидель Кастро не коммунист... Эта революция исключительно кубинская, вернее, латиноамериканская. В политическом отношении можно было бы квалифицировать движение Фиделя как национал-революционное.

Конечно, он антиянки, но в той мере, в какой янки — антиреволюционеры.

В действительности мы не проповедуем «антиянкизм». Мы против Соединенных Штатов в той мере, в какой они против нашего народа...

Больше всего меня обвиняют в принадлежности к компартии. Не было такого журналиста-янки, который бы, приехав на Сьерру, не начинал бы меня расспрашивать, какова была моя деятельность в Гватемальской компартии. Они считали установленным фактом, что я работал в компартии этой страны только потому, что я был и остаюсь решительным поклонником демократического правительства Хакобо Арбенса.

Когда произошло американское вторжение в Гватемалу, я попытался собрать группу мужчин и юношей, таких, как я, для того, чтобы противостоять этим фруктовым авантюристам.

Оттуда я бежал в Мексику. Там я подружился с Раулем Кастро. Он меня представил главе движения в то время, когда планировалось вторжение на Кубу.

Я проговорил с Фиделем ночь напролет. На рассвете я уже был врачом его будущей экспедиции. Фидель произвел на меня впечатление необыкновенного человека.

Вещи, казалось бы, самые немыслимые не пугали его, он брался за них и всегда разрешал их в конце концов.

У него была удивительная вера в то, что если уж он поедет на Кубу, то он туда доберется. Если доберется, то будет сражаться. А в борьбе победит.

Я разделил его энтузиазм. Надо было действовать, надо было бороться, надо было переходить к практическим делам...».

Практические дела победившей кубинской революции говорят о том, что руководители ее — истинные сыны народа, замечательные патриоты.

Джентльменский набор бандита

С 1 января 1959 года — дня падения диктатуры Батисты и окончания вооруженной борьбы — прошло полтора года — очень маленький срок для истории. Но за это время очень многое успел сделать кубинский народ, возглавляемый первым в своей истории честным правительством. Было бы сделано и еще больше, если бы на Кубе не мешали враги, если бы не постоянные попытки американского империализма повернуть историю вспять, возвратить Кубу в ее прежнее положение экономического придатка США.

«Операция Тринидад», о которой я рассказал,— это только один в цепи подлых заговоров и диверсий против революционной Кубы. Эти заговоры часто выполняются руками подставных лиц, как было в случае с Трухильо, но все чаще и чаще на сцену выползают и сами авторы — правительство США, госдепартамент, разведывательное управление Даллеса, военщина Пентагона.

Начиная с октября прошлого года Кубу непрерывно бомбят и обстреливают американские самолеты, управляемые американскими летчиками, базирующиеся на воздушных базах США. До настоящего времени таких бомбардировок и обстрелов было более шестидесяти.

Два года назад я был в Индонезии, когда на острове Суматра бушевал антиправительственный мятеж, организованный американским империализмом. Криминалисты говорят, что у каждого бандита-взломщика есть свой почерк. Почерк бандитов на Кубе тот же, что был два года назад в Индонезии. Все начинается с того, что неугодное правительство объявляется «красным», «коммунистическим», делаются намеки на «руку Москвы». Потом появляются «частные» самолеты и начинают методично сбрасывать «частные» бомбы на мирное население. Госдепартамент отрицает свою ответственность за это. Потом госдепартамент ловят с поличным, он выражает лицемерное сожаление. Одновременно создаются заговоры против неугодного правительства, готовятся покушения на его лидеров, устраиваются диверсии, в действие вступает тяжелая артиллерия — экономическая агрессия,— в общем, весь джентльменский набор опытного международного бандюги.

Я рассказал об этом «поразительном» сходстве одному из своих друзей-кубинцев, рассказал ему и о том, что два года назад в Индонезии я находился в передовой роте правительственных войск, которые двигались к «столице» мятежников, подавляя заговор на Суматре. Мой друг кивнул головой и грустно усмехнулся:

— Боюсь, как бы и здесь вам не предоставилась со временем подобная же возможность.

Куба живет трудно и напряженно. Каждый день утром кубинцы прочитывают газеты, и каждый день они узнают о новых бандитских воздушных налетах или о новых диверсиях, о новых наглых, угрожающих высказываниях американских политических деятелей в адрес Кубы.

Когда я уезжал из Гаваны в Советский Союз, в ее порту был взорван корабль, привезший оружие для революционной Кубы.

Когда писались эти строки, телеграф принес известие о диверсии на пороховых складах в Гаване. Организаторы взрыва проживают на территории США, в Майами.

Нельзя поручиться за то, что пока эта глава будет напечатана, американские империалисты не предпримут какой-нибудь новой диверсии против маленькой независимой страны.

Стрельба и песня

Пятого февраля этого года в одиннадцать часов утра первый заместитель председателя Совета Министров СССР Анастас Иванович Микоян, находившийся с визитом в Гаване, возложил венок к подножию памятника Хосе Марти — национального героя Кубы. Оттуда он направился к зданию, где размещалась советская выставка в Гаване,— в двухстах метрах от площади с памятником Хосе Марти. Около двенадцати часов, когда сквер перед входом на выставку заполнили тысячи кубинцев и начали съезжаться официальные лица, приглашенные на ее открытие, со стороны площади, где находился памятник Хосе Марти, раздались выстрелы. Один, другой, третий...

Как потом выяснилось, произошло следующее: в двенадцать часов к памятнику Хосе Марти подошла группа фашиствующих хулиганов, которая пыталась растоптать венок, возложенный гостем из Советского Союза. Прохожие решили помешать хулиганам. Началась драка. Примчавшаяся полиция открыла стрельбу в воздух, чтобы разнять дерущихся, а так как к стрельбе вообще-то на Кубе привыкли, то полиции пришлось палить в солнце довольно долго. Венок остался на месте, хулиганы были арестованы.

Об этой маленькой грубо слепленной провокации не стоило бы и рассказывать, если бы не один поразительный штрих. Когда раздались выстрелы, когда тысячам кубинцев, находившимся на открытии выставки, не видно было, что происходит у памятника Хосе Марти, но было ясно — это провокация, приуроченная к открытию советской выставки, вся огромная масса народа вдруг, как один человек, запела. Запела гимн Движения 26 июля — самую популярную сейчас песню на Кубе. Запела дружно, громко, чтобы заглушить песней стрельбу, чтобы дать понять контрреволюции, на чьей стороне сила. Не знаю, кому первому пришла в голову мысль запеть. Наверное, сразу многим, пели тысячи. Потом песню подхватил военный оркестр, стоявший здесь же. И выстрелы, вся дешевая провокация потонули в едином многотысячном хоре кубинских патриотов...

Кончалась моя поездка по провинции Ориенте. В Сантьяго я зашел в магазин похоронных принадлежностей к Джерардо, чтобы попрощаться и подарить ему на память русскую матрешку. Толстый веселый Джерардо был явно взволнован и долго рылся в своих карманах, разыскивая, что же подарить мне в ответ. Потом вдруг вытащил из-за пояса смит-вессон, ловким движением отогнул барабан и высыпал на ладонь патроны. Один он протянул мне.

— У меня нет с собой ничего подходящего. Но это вот тоже сегодняшняя Куба. Возьмите и вспоминайте...

И, продолжая свою мысль, зло добавил:

— Ни черта не выйдет у американцев! Ни черта! Для того, чтобы уничтожить революцию, им придется убить все шесть миллионов кубинцев, не меньше. Если останутся в живых хотя бы двенадцать человек, они снова уйдут в Сьерра-Маэстру и начнут все сначала...

Гавана — Москва.

☆ ☆ ☆

В дни, когда полосы нашего журнала уходили в типографию, мир узнал о новой агрессии Соединенных Штатов против маленькой Кубы — экономической.

Американские заводы, находящиеся на территории острова, отказались перерабатывать нефть, закупаемую Кубой за границей. Революционное правительство ответило национализацией этих заводов.

Тогда правители США приняли решение сократить ввоз сахара из Кубы.

Губернатор штата Нью-Йорка Рокфеллер открыто воззвал к борьбе против Кубы, предложив задавить ее экономически.

Но Куба не одинока. Руку помощи ей протягивает Советский Союз. Народы социалистических стран помогут своим братьям-кубинцам отстоять свою независимость с тем, чтобы экономическая блокада, которая сейчас объявлена Соединенными Штатами Америки против Кубы, провалилась.

Чувствуя, что экономическая агрессия обречена на неудачу, монополисты Соединенных Штатов сейчас готовятся к вооруженной интервенции против Кубы. Силы для этого концентрируются во Флориде, на Ямайке, в Доминиканской республике, в Гватемале.

Но как ушат холодной воды вылили на горячечные головы агрессоров, когда из Москвы прозвучали предостерегающие слова Никиты Сергеевича Хрущева:

«Социалистические государства и все народы, которые стоят на позициях мира, окажут народу Кубы поддержку в его справедливой борьбе, и поработить кубинский народ никому не удастся.

Не следует забывать, что теперь Соединенные Штаты не находятся на таком недосягаемом расстоянии от Советского Союза, как прежде. Образно говоря, в случае необходимости, советские артиллеристы могут своим ракетным огнем поддержать кубинский народ, если агрессивные силы в Пентагоне осмелятся начать интервенцию против Кубы. И пусть в Пентагоне не забывают, что, как показали последние испытания, у нас имеются ракеты, способные попадать точно в заданный квадрат на расстоянии 13 тысяч километров. Это, если хотите, является предупреждением тем, кто хотел бы решать международные вопросы силой, а не разумом».

ЧАБАНЫ

Алим КЕШОКОВ

СИВАШСКАЯ ЗАКАЛКА

Отара движется устало:
Дорога в горы нелегка.
И, разодрав бока о скалы,
Кипят,
клубятся облака.

Они черны.
Не сумрак вовсе
Окрасил их в полночный цвет.
И беспокойно блеют овцы,
И ветер свищет им вослед.

Травинки каждой гнется
стебель,
Все ниже клонится цветок.
И вновь обвал грохочет в небе,
И блещет молнии клинок.

Бредут ягнята, чуть живые,
Глаза овец полны тоски.
Смешались струи дождевые
С потоком ледяной реки.

Ильяс,
нахохлясь, словно кречет,
Припомнил тот военный год,
Когда полки
в воде по плечи
Сиваш форсировали вброд.

Шел снег.
Свистели пули тонко.
И, взмокнув, каждый из солдат
Нес осторожно, как ребенка,
Тяжелый гаубичный снаряд.

И над солдатскими плечами
Вздымался чуть заметный пар,
Как будто темный от печали
Вскипал железный самовар...

Глядит чабан:
клокочут воды
Реки, что согнута в дугу.
Укрыть овец от непогоды
На том лишь можно берегу.

И вот Ильяс,
себе на плечи
Взвалив один конец плетня,
Шагнул в поток,
и волны плещут,
Не камень — сердце леденя.

Напарник был толковым малым.
Застелен бурками плетень,
И на него овец погнал он.
И вновь ударила кресалом
Гроза в невидимый кремень.

Расстегнут воротник рубашки,
Поглубже хочется вздохнуть...
Припоминая штурм сивашский,
Стоит Ильяс в воде по грудь.

Грозой окутанные горы
Горды кавказцем неспроста:
Стал в жизни многому опорой
Он, как для этого моста!

Перевел с кабардинского
Я. КОЗЛОВСКИЙ.

СЛУЧАЙ С ГАРМОНИСТКОЙ

— Отпусти нас,— попросили молодые чабаны,—
К земляку в аул на свадьбу нынче мы приглашены.
— Что ж, езжайте,— им пастух ответил старый,—
Вместе с внучкой мы останемся с отарой.

Комсомолку-повариху наставлял седой старик:
— Помни, волк боится шума, хоть разбойничать привык.
Ты возьми ружье, ты посвисти, пощелкай,
Чтобы волк страшился встречи с комсомолкой.

Буду стадо караулить я до вечера с утра,
Только сумерки сгустятся — твой черед, твоя пора...—
Так сказав, старик пастух прилег на бурке,
А трава кругом нежней овечьей шкурки.

Вот и сумерки сгустились, горы спрятались во мгле.
Вышла девушка к отаре, появилась на скале.
Но взамен ружья гармонь в руках горянки,
И поблескивают золотые планки.

Вечерами песнь звенела посреди гранитных скал.
И ущелья и долины голос девушки ласкал.
Волку нравились овечки и ягнятки,
Но от музыки бежал он без оглядки.

Отнеслись иначе к пенью все соседи-чабаны:
Мол, когда звенит гармошка, то и мы плясать должны!
И плясали над заоблачной грядою
Перед нашей гармонисткой молодою.

Быстро минула неделя, и со свадьбы земляка
Возвращается бригада, раздвигая облака.
Все в порядке: овцы целы, как и раньше,
Только нет их поварихи-музыкантши.

Чабаны в недоуменье, ищут, ищут — не найдут.
Лишь старик в усы смеется: — Ни к чему, напрасный труд,
Заглянуть вам не мешало бы к соседу,
А на свадьбу-то не вы, а я поеду!

Перевел С. ЛИПКИН.

Парашютисты, спешно переброшенные из Бельгии, оккупируют аэропорт в Леопольдвиле, столице молодой Республики Конго.

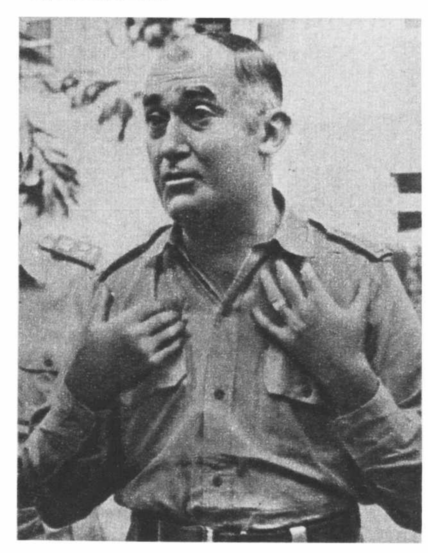
ГРАБИТЕЛИ ЛЕЗУТ В КОНГО

«Моя страна и я признаем полную независимость Конго» — эти слова произнес присутствовавший на празднике в Леопольдвиле бельгийский король в торжественный для всех конголезцев день 30 июня. Над толпой взлетели ракеты и прозвучал орудийный салют. Так началось празднование независимости в бывшей бельгийской колонии. О том, насколько искренне было «великодушное заявление» короля Бельгии, конголезцы узнали буквально через несколько дней после этого торжественного события.

Лицемерно признавая независимость своей богатейшей африканской вотчины, бельгийские колонизаторы, 80 лет угнетавшие конголезцев, совсем не собирались сдавать свои позиции. Воспользовавшись тем, что солдаты конголезской армии отказались подчиняться бельгийским офицерам, колонизаторы поспешили сделать это поводом для военной интервенции под предлогом наведения «порядка» в Конго.

На страницах бельгийских и других буржуазных газет одно за другим замелькали крикливые провокационные сообщения о «беспорядках», «мятежах», «жестокостях» конголезцев.

Не прошло и двух недель после провозглашения независимости Конго, как в столице молодого африканского государства высадились бельгийские парашютисты.

Офицер бельгийских оккупационных войск: «Мы прибыли в Конго только для того, чтобы навести порядок!»

Была приведена в боевую готовность 24-я американская дивизия, базирующаяся в Западной Германии. Из английской колонии Северная Родезия в Конго двинулись грузовики с солдатами. Якобы для оказания «помощи» в Леопольдвиль прибыл отряд американских солдат.

Агрессоры предприняли попытку отделить от Конго богатейшие провинции, чтобы ослабить молодую республику и подорвать ее хозяйство.

Но разбойничья интервенция колонизаторов встретила мощный отпор. Советский Союз заявил, что он не остановится перед решительными мерами по пресечению агрессии. Народы Африки, Азии осудили действия империалистов и выразили готовность оказать помощь Республике Конго.

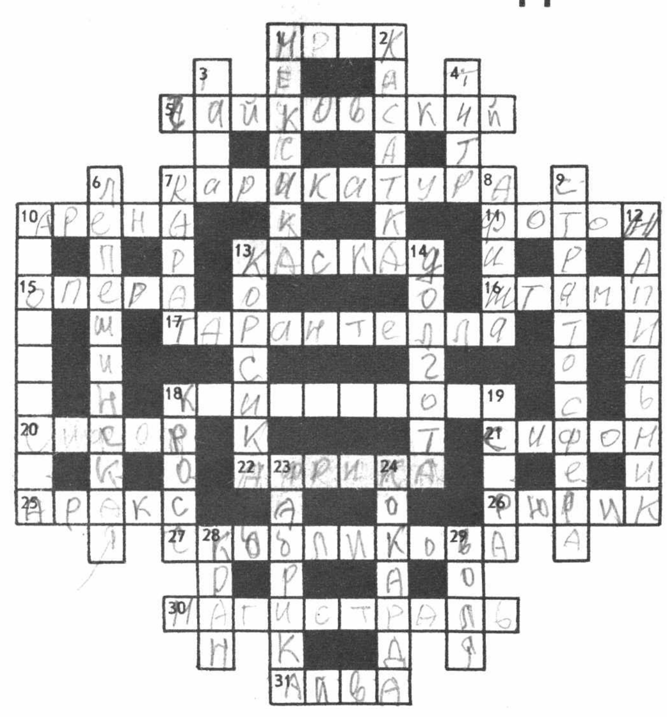
Совет Безопасности ООН принял резолюцию, призывающую Бельгию вывести свои войска из Конго. Однако колонизаторы не прекращают попыток повернуть историю вспять и вернуть себе прежнее господствующее положение. «Но это свидетельствует лишь о потере рассудка колонизаторами...— сказал Н. С. Хрущев на пресс-конференции в Кремле 12 июля. — Наши симпатии, наша помощь на стороне колониальных народов, борющихся за свою свободу и независимость».

Солдаты молодой республиканской армии Конго патрулируют на улице Свободы в Леопольдвиле.

Фото Ассошиэйтед Пресс.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Радиопередатчик на третьем советском спутнике. 5. Русский композитор. 7. Сатирический рисунок. 10. Площадка для цирковых представлений. 11. Квант света. 13. Водопад, низвергающийся уступами. 15. Музыкально-драматическое произведение. 16. Инструмент для изготовления деталей давлением. 17. Итальянский народный танец. 18. Изобретатель фортепьяно. 20. Красная мартышка. 21. Сосуд для газированной воды. 22. Материк. 25. Приток Куры. 26. Русский корабль, совершивший кругосветное плавание в начале XIX века. 27. Дважды олимпийская чемпионка. 30. Основная линия путей сообщения. 31. Южное плодовое дерево.

По вертикали:

1. Государство в южной части Северной Америки. 2. Народное название ласточки. 3. Горная выработка. 4. Надпись в кинофильме. 6. Балерина, народная артистка СССР. 7. Мера веса драгоценных камней. 8. Объявление о спектакле. 9. Слой воздушной оболочки Земли. 10. Высочайшая вершина в Андах. 12. Металлорежущий инструмент. 13. Остров в Средиземном море. 14. Географическая координата. 18. Спортивное соревнование. 19. Русский сатирический журнал XIX века. 23. Промышленное предприятие. 24. Знак на форменной фуражке. 28. Подъемный механизм. 29. Пьеса Леонида Леонова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

По горизонтали:

3. Эстония. 6. Понтон. 7. Скутер. 10. Саго. 11. «Даугава». 13. Осип. 14. Веранда. 16. Чаадаев. 18. «Колобок». 19. Спаржа. 20. Треста. 21. Акведук. 22. Глинт. 25. Астра. 28. Театр. 30. Вильнюс. 31. Известь. 32. Орлан.

По вертикали:

1. Эстокада. 2. Мицкевич. 4. Колоратура. 5. Рекордсмен. 8. «Калевипоэг». 9. Кинематика. 12. Гидросфера. 15. Деканат. 17. Арктика. 23. Лацис. 24. Нельма. 26. Сарема. 27. Ртуть. 28. Трюмо. 29. Резон.

На последней странице обложки: Мировая рекордсменка по метанию копья Эльвира Озолина после тренировки.

Фото А. Бочинина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ, Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Н. И. ДРАЧИНСКИЙ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

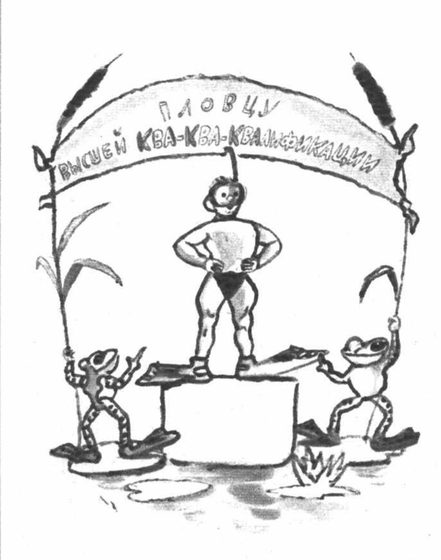
Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-33-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 07125. Подписано к печати 20/VII 1960 г.
Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 700 000. Изд. № 1158. Заказ 1907.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

УЛЫБКИ АНИМАЛИСТА Владимира ГАЛЬБЫ

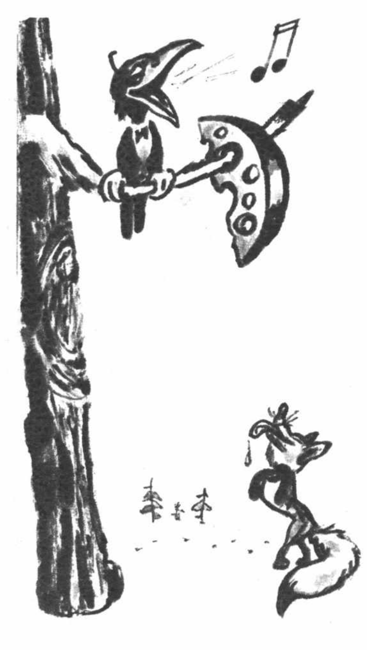

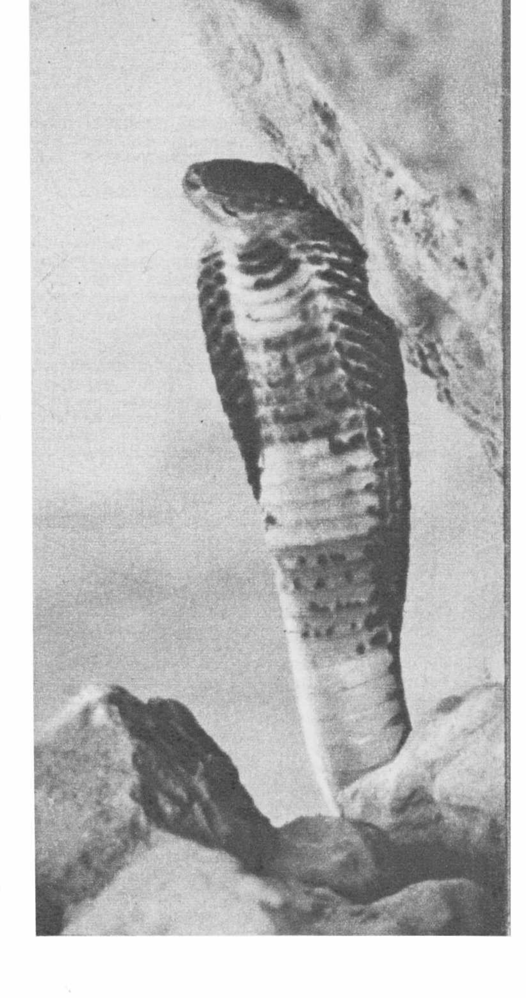
Оценили по заслугам.

Хвастовство.

Новый вариант старой басни.

ЗАНИМ

Модник.

МАЛЕНЬКИЕ, А С ИГОЛКАМИ

Студент Ленинградского медицинского института Виктор Фролов поймал ежа. Еж поселился в комнате студенческого общежития. А вскоре произошло неожиданное событие: еж оказался ежихой, и население 304-й комнаты увеличилось на пять душ. Ежата родились маленькие, слепые, но уже с иголками. Ежиха и ежата чувствуют себя очень хорошо.

Ю. АВЕРИН

«БЛАГОРОДНАЯ» ЗМЕЯ

Кобру называют иногда «благородной» змеей: она не нападает, предварительно не предупредив — не встав в грациозную позу и не зашипев. На снимке, который сделан мною в Каракумах, вы видите кобру, готовую к нападению.

Ю. ШУПЛЯКОВ

АТЕЛЬНЫЕ ФОТОГРАФИИ

РЫБА-ШАР

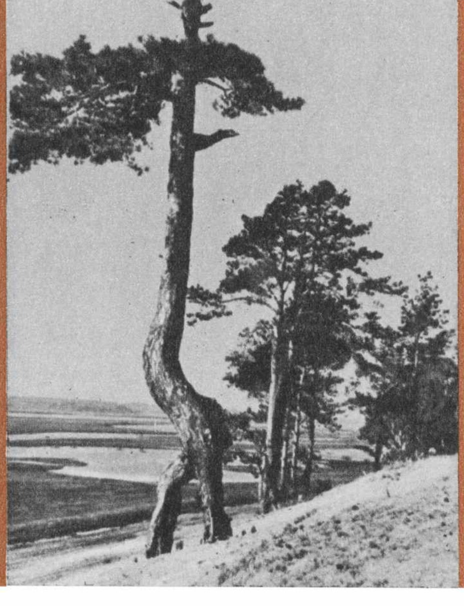
Эта рыба из группы скалозубых. Живет она в Индийском океане и Средиземном море, главным образом у коралловых рифов. Такое название она получила за челюсти, напоминающие клюв попугая. Рыба обладает способностью превращаться в шар.

В. КРИВОШЕИН,
И. СЛОНИМ

«ЖИРАФ»

Сосну, похожую на жирафа, я сфотографировал на берегу Оки.

В. ИВАНОВ

ОРИГИНАЛЬНОЕ КРЕСЛО

Это кресло выпущено одной из датских фирм. Изготовлено оно из стали и пенорезины. Форма кресла довольно оригинальная, не правда ли!

В. ВАДИМОВ

— Вот эта похожа на маму, а вот та — вылитый папа...

Никогда не следует теряться!

Купально-душевой кит.

Цена номера 3 руб.